

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Михаил Першин

18+

КОНЕЦ СВЕТА

Иронический роман



Михаил Першин

Конец света

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Першин М. Л.

Конец света / М. Л. Першин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Фантастическая история о катастрофе, которая грозит нашему миру. Или не грозит?.. Или грозит, но ее можно предотвратить?.. Или можно, но цена этого будет слишком велика?.. Да и стоит ли наш мир спасения?.. Пожалуй, единственное, чего он действительно стоит, это насмешки. И автор вместе со своими героями предлагает вам посмеяться... над кем? В сущности, над самими собой. Роман был впервые опубликован в журнале «Урал» в 2015 году и отмечен премией журнала как лучшее произведение в жанре прозы. Содержит нецензурную брань.

© Першин М. Л., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава первая

- Жень, долго тебя ждать?
- Шас, иду.
- Пришел, сел за стол. Побил по яйцу ложкой, поколупал.
- Жень, оно что, крутое?
- Не знаю. Может быть.
- Ну, Жень! Если не можешь две минуты постоять, так и скажи: «Не могу», – я сам постою. И главное, зачем спрашивать: «Тебе в мешочек или как?»
- Жень, мне ведь тоже на работу!..
- Я ничего не говорю. Только зачем спрашивать?

И так далее. Обычный утренний разговор. Можно было и не с него начать. А, например, с того, как Женя сидит в туалете с кроссвордом.

«Ученый». 6 букв, предпоследняя «о». Наверно, «-ов». «Амосов». Например. А и «Крылов» бы подошел. Нет, Крылова они бы «баснописца» вспомнили. Хотя... Черт их знает. Стоп! А если... «Ньютон»? Вот заразы! Нет, написать: «отечественный» или «великий английский». Ладно, черт с ними, что там по горизонтали? «Он заменит тебя в любом деле, кроме постели». Тьфу, без пошлости нельзя! «Робот». Это точно, из песни. Стоит выйти из лаборатории, девочки заводят какую-нибудь чуму вроде этой. И ведь с удовольствием слушают! Ладно, третья «о». Значит, будем считать, «Амосов». М-м-м-м... (Это Женя сделал то, ради чего, собственно, он тут находится.) Тогда цветок по горизонтали на «в». О-паньки! А тут-то явный «гладиолус»! «л», «о», «ус» в конце... Же-энь! Ты цветок не знаешь, чтоб все как в «гладиолусе», только на «в» начинался? Какой «василек»! Какой к чертям «василек»! Ты что, не слышишь, что я говорю? Ну, или ученый – 6 букв, третья «о», кончается предположительно на... (И тут он сам сообразил.) Тьфу ты! Да ни на что! Кто эти кроссворды ляпает? Ведь есть же общепринятые формулировки. «Специ... М-м-м-м... альность ученого». Только кто этот «-лог»? «Биолог» или «геолог»? Идиоты, именно те буквы, по которым можно определить, ни с чем не пересекаются...

Можно и с этого начать. А можно и нет. А, например, так.

- Жень, ну что это такое?!
 - В чем дело?
 - Это невозможно! Я этого мерзавца выкину!
 - А что, он *опять*?..
 - Опять! Мою кофту серую...
 - А! Я молчу. Ты все сама прекрасно знаешь.
 - Что я знаю? Что он кастрированный! Зачем мы тогда его кастрировали?
 - Ой, что опять в тыщу-первый раз начинать! Мика же все объяснил.
- (Мика это их приятель-биолог (кстати, именно эта профессия была в кроссворде), который еще при предыдущем коте объяснил Жене и Жене, что у котов половая деятельность регенерирует и, что, мол, труднее найти кота-импотента, чем кота-кастрата с регенерированной *деятельностью*.)
- Почему каждый раз он выбирает именно эту кофту? Что, других нет?
 - Какая ты странная! А если тебя спросить: «Почему ты выбрала именно Женю Беркутова?» Что, других нет?

- Ой, оставь свои шуточки! Сравнил тоже!..
 - Ничего я не шучу. Ты любишь эту кофту? Почему?
 - Ну люблю. Потому что она такая мягкая.
 - О! Что и требовалось доказать!
 - Что?
 - Она мягкая, и Коржик ее за это же любит. А ты любезно предложила ему его *возлюбленную*.
 - Я?!
 - А кто! Ты прекрасно знаешь об их, так сказать, взаимоотношениях и кладешь ее на самое видное место.
 - Что мне, ее не класть вообще?
 - По крайней мере, не сетовать тогда на его аморальное поведение.
 - Женя, ты пошляк!
 - А я и не претендую.
- Небольшая пауза, которая прерывается декламацией Жени-мужа:

Коты, в отличие от людей,
Ебать умеют без мудей!

На что Женя-жена мгновенно откликается коротким:

- Фу!
 - Что это ты такая скромная стала? – удивляется он.
 - Причем тут скромность! Просто стишок так себе.
- Критика воспринимается импровизатором, и он выдает исправленный вариант:

Коты, в отличие от людей,
Иметь умеют без мудей.

- Ну, это куда ни шло. Уметь имеют – иметь умеют. Хоть какая-то игра ума.

Вот всё в таком духе. Пересказ обычного пустопорожнего утреннего трепа с целью создать атмосферу обычного дома, в котором живет обычная семья тридцатилетних интеллигентов. Положим без чего-то тридцатилетних. И возможно, на чей-то строгий вкус, без чего-то интеллигентных. Это мелочи. Других интеллигентов у нас не водится. Плюс-минус, опять-таки.

У них есть шести-, почти семилетняя дочь, которая в описываемый момент находится на подмосковной даче вместе с бабушкой. Жениной мамой. (Это как бы шутка: якобы рассказчик не понимает всей бессмысленности последнего уточнения.)

Женя женского пола работает редактором в детском издательстве. А мужского – научным сотрудником в академической лаборатории, которая занимается астрономией. Вообще-то они оба математики по образованию, только она начала в свое время заниматься математическими, затем – вообще развивающими книжками, и плавно перешла на все виды книг для детей. А он попал к физикам.

Позволим себе небольшое отступление. Так сказать, экскурс в довольно-таки недавнее прошлое. А именно – в первые годы после Советской власти, на которые пришлось время студенчества Жень.

Вряд ли человек, живущий в другую эпоху и в другой стране, поверит, что обычная торговля, даже и не торговля в общепринятом смысле, а мелкий *шахер-махер*, может нести в себе

нечто мало-мальски романтическое, отдающее донкихотством, а то и флибустьерством. Хотя, вот взять такое мало увлекательное занятие, как скотоводство: как меняется наш взгляд на него, стоит лишь переименовать *пастбище* – в *прерию*, а *пастуха* – в *ковбоя* и вручить ему вместо *рожка* и *кнута* – *кольт* и *лассо*. Собственно говоря, чему тут удивляться? Поколение Женя в раннем детстве познакомилось с Павкой Корчагиным (в телевизионной версии, книжку они уже не читали). И вот, на самый их романтический возраст, 10 – 12 – 15 – 17 – 20 лет, пришла очередная *ломка устоев*. Только вместо *закаливания стали* теперь, когда выяснилось, что, и закаленная, она проржавела насквозь не хуже самой бросовой железяки, новые *корчагины* ничуть не менее самоотверженно, чем прежние, занялись ее заменой на более надежный, как им казалось, материал.

Перейдем, однако, от метафор, не слишком уместных в документальной повести, к фактам.

На третьем курсе Жени поженились. На четвертом, не сильно отвлекаясь от учебы, прошли трехмесячные курсы: она – бухгалтерии, а он – обслуживания оргтехники. Другие события того года – появление на свет: 1) девочки Кати и 2) Общество с ограниченной ответственностью с прикольным, по их мнению, названием «Беркутов и жена». Супруги планировали заниматься продажей, сборкой и ремонтом компьютеров, факсов, копиров и прочих сканеров. Но в реальности род их деятельности оказался несколько иным.

Как раз когда начинающие бизнесмены размышляли, с какого конца взяться за дело, Жене (м) позвонил его школьный друг Илюша Шевченко и спросил, не знает ли тот кого-нибудь, у кого была бы *печать*. «Знаю, – сказал Женя. – Я».

И бригаantina подняла паруса!

Женя с Илюшей приходили на оптовый склад и покупали несколько коробок чая, шоколада или жвачки. Потом они останавливали на улице пикап или небольшой грузовичок, и тот привозил покупку к одному из них домой. Дальше начинался обход магазинов и ларьков с предложением купить коробку-другую чая, шоколада или жвачки. На этом-то этапе и требовалась печать: ларек брал товар просто так, а магазину надо было составить акт. Поставщик без печати для официальной торговой сети не существовал.

Дело пошло лихо. Каждая партия расходилась за неделю-другую, принося процентов 25 прибыли: цены в магазинах и на складе различались примерно раза в полтора, и, назначая свою, Женя с Илюшей выбирали среднее значение. Первое время вложенные деньги вырастали вдвое-втрое за месяц. Правда, чем больше становились объемы партий, тем дольше шла реализация, и в дальнейшем этот сказочный рост несколько замедлился. Но, так или иначе, двести долларов, одолженные Женями у родителей (по сотне «с каждой стороны») за год превратились в восемь с половиной тысяч, при том, что «бизнесмены» щедрой рукой расходовали часть дохода *на жизнь*. Кто помнит то время, подтвердит, что восемь с половиной тысяч баксов были тогда огромной суммой.

Кормящая мать, помимо писания дипломной работы, исправно составляла нулевые балансы и относила их в налоговую инспекцию. Разумеется, о самих налогах никто и не думал. Да и вообще никаких дополнительных расходов не было, особенно после того, как ребята купили по недорогой машине, и отпала необходимость в *грузовичках*.

К концу пятого курса стало ясно, что если с учебной эта деятельность и совместима, то с какой-либо другой работой – нет. Родители, люди старых взглядов, настаивали на том, чтобы дети бросили *спекуляцию* и занялись *делом*. Дети, сами ставшие к тому времени родителями, склонялись к тому, чтобы арендовать офис и склад и начать, наконец, пользоваться банковским счетом и платить налоги. Собственно говоря, сами их обороты требовали серьезного подхода. Что, кстати, тоже вполне можно назвать переходом от *спекуляции* к *делу*.

В июне Жени защитили дипломные работы. В июле *на честно заработанные* съездили в Турцию. В августе разразился кризис, разрушивший, среди прочего, если не одноименное

ООО, то, по крайней мере, мечты *Беркутова и жены*. Дело даже не в том, что, хранись их деньги в банке, от них бы ничего не осталось, а просто: романтический пузырь лопнул, и они поняли, что бригантина – не самое надежное транспортное средство в эпоху атомных ракетно-носцев.

По доброй русской традиции *на амбразуру* легла женщина. Женя (ж) радостно объявила, что ей предлагают место в издательстве за 300 долларов в месяц (вполне достойная по тем временам зарплата), и Женя (м) может спокойно идти в НИИ, не думая о том, сколько там платят. Так оно и пошло.

Впрочем, руководитель Жениного института (мы с ним познакомимся чуть позже) оказался весьма предприимчивым человеком. Он умел находить проекты, которые интересуют иностранных коллег, готовых оплачивать работу над ними.

Жене повезло сразу попасть в группу, работающую по гранту, и ему даже не пришлось искать дополнительные заработки в виде писания дипломов и курсовых, переводов и прочих мало интересных занятий, что вырвало большинство сотрудников института.

К моменту начала нашего рассказа у Жени Беркутова почти готова диссертация, но шеф, академик, не спешит выпускать его на защиту. Что и является одной из причин Жениного раздражения. Как и Жениного. (Повторяется прием с именами, слабовато, конечно, но ладно, сойдет.)

Вот, собственно, к чему и вели все попытки начать повествование с некой вступительной сценки – показать раздражение мужа, которое может утешить (утишить?) лишь симметричное раздражение и даже гнев жены (в частности, на кота). Маленькие литературные хитрости.

Ладно, переходим к четвертому эпизоду, который, в отличие от трех предыдущих, повлияет на развитие сюжета. Чтобы в дальнейшем, с одной стороны, не ограничивать литературных претензий повествователя, а с другой – не делать читателя, обремененного куда более важными заботами, заложником этих претензий, мы поступим так. Перед каждым фрагментом, несущим смысловую нагрузку, поставим три звездочки. И обычный контекстный поиск (не на бумаге же это читать, в самом деле) позволит оперативно познакомиться с собственно рассказом, без всяких там худ.-лит. излишеств. Итак —

* * *

Одолев предварительные сложности, Жени добрались до завтрака. Сидят за столом и беседуют. То есть и едят, это – само собой, но на еде можно было бы заострить внимание, если бы выше не было звездочек. Тем более, «яйцо – в мешочек – я просил – мне тоже на работу – ты сказала...» – было цитировано ранее. Так что о быте ни слова.

– Жень, ты все время какой-то напряженный. Что-то случилось?

– Ну почему что-то обязательно должно случиться?!

– Не должно. Но что ты сердишься? Если ничего не случилось, так и скажи.

– Да ничего не случилось! У меня, во всяком случае.

Женя молчит, и после паузы Женя сам продолжает:

– Гаврилыч рвет и мечет...

(Юрий Гаврилович Гарт – тот самый академик, шеф Жени.)

– ...Ему в Осаку ехать, на конференцию, а самый главный снимок испорчен.

– Как испорчен?

– А черт его знает. Какое-то пятно черное.

– Большое?

– Да нет, не очень. Но для доклада не годится.

– Так а чего ж, трудно переснять, что ли?

– Да что вы говорите, Евгения Владимировна! Вся лаборатория во главе с академиком Гарттом ломает голову: что делать, что делать? А оказывается – переснять! Одна Женя Беркутова догадалась! Нобелевскую премию ей!

– Всё? Кончил остричь? Молодец, пятерка. А теперь объясни, почему нельзя переснять.

Женя еще немного препирается и ворчит, что является свидетельством не сложности объяснения, а его раздражения, после чего объясняет:

– Телескоп запрограммирован на сканирование определенного сектора неба. Теоретически можно, конечно, прервать программу и переснять испорченный кадр. Но это – ты не представляешь, какой геморрой!

– А из-за чего это произошло? Грязь какая-нибудь попала?

– Вряд ли. Там такая система контроля, очистки, вентиляции... В прежние годы, когда снимали на пленку, такой брак сплошь и рядом бывал. А сейчас-то снимок цифровой. Понимаешь?

– А чего тут понимать? В принципе, как с обычным фотоаппаратом. Или пленочный, или... Хотя, оптика и там, и там.

– Да, конечно. Оптику в первую очередь проверили. Но, честно сказать, вид у этого пятна – как будто в самом деле какая-то пыль.

– Космическая!..

– Ты вот шутишь, а нам не до шуток.

– А к тебе это какое имеет отношение? Ты расчетами занимаешься.

– Да, это не моя тема. Но Гаврилыч ко мне отношение имеет. А мне сегодня с ним поговорить надо...

– Поговори в другой раз.

– Ой, снова ты со своими советами! Он завтра улетает.

– В Осаку?

– Ну! И если мы не пересечемся, мой семинар неизвестно на сколько перенесется.

– Позвони мне, после разговора.

Через несколько часов, после обеда. Звонок. Женя берет трубку.

– Слушаю.

– Привет, Жень, это я. Как, пересеклись?

Нервно:

– Да!

– Что? Договорились о семинаре?!

Раздраженно:

– Нет!

– А когда?

Выйдя из себя:

– Никогда! (И поспокойней.) Он уехал.

– Ой...

– Ладно, потом расскажу. Пока!

На самом деле, кое о чем они договорились. Академик немного отошел от гнева, тем паче, что он успел *всыпать по первое число* ребятам, обслуживающим телескоп. *Всыпание* происходило дистанционно (телескоп-то не в Москве стоит), но виновные ощутили в полной мере, что значит гнев академика. Однако, гнев гневом, а тем временем он перестроил свой доклад так, чтобы обойтись без испорченного снимка, и на следующее утро у шефа было благодушно-чемоданное настроение. Перед отъездом он вызвал Женю, ласково поговорил с ним

и обещал сразу по возвращении заняться его работой. Хотя чего там заниматься! Просто назначить дату семинара, и дело с концом!

Подержанная иномарка, та бригантину, на которой Женя некогда флибустьерствовал, развозя чай и жвачку из оптовых складов по розничным ларькам, в описываемую нами пору была еще достаточно бодрой, чтобы баланс между затратами на обслуживание и пользой от нее был в пользу... Нет, «в пользу пользы» некрасиво. Тогда так: был положительным. Тыфу ты! Опять не вышло. Те же Жени, как математики, не согласились бы с этим: положительный баланс означает, что первое превышает второе, то есть затраты – пользу. Ну, тогда – отрицательным. Н-нет, снова не то: математика – своим чередом, а слово «отрицательный», как ни крути, – синоним «невыгодного». Ладно, начнем сначала.

Подержанная иномарка... бла-бла-бла про бригантину... была еще достаточно бодрой, чтобы баланс между *пользой* и *затратами* был положительным. Фу-у-у. Вот теперь корректно. Хорошо, что перед этим фрагментом нет трех звездочек.

А кстати, чего же ей было не сохраниться, если в обычные дни Женя за руль редко-редко садился: на работу он добирался на метро, потому что так было и быстрее, и нервов меньше тратилось. Разве что нужно было что-то тяжелое отвезти или вечером кого-то на вокзале встретить, так это редко случалось. При таком режиме любой ветеран автопрома за юношу сойдет. Хотя все равно свою машину Беркутовы называли *старушкой*.

Вот на ней они в ближайшие выходные и отправились на дачу к дочке с тещей (это Женя-м, а Женя-ж – к маме и дочке). Это был как раз Катюхин день рождения.

Жени хотели еще год назад отдать свою достаточно развитую дочку в школу. Но бабушка с бабушкой в один голос запретили им это делать. Еще и их специальности как нарочно подбирались: папы-Женин отец, Антон Сергеевич, был педагогом, а мамы-Женина мать, Анастасия Егоровна, – врачом. И оба, каждый со своей точки зрения, объявили, что никакой спешки нет, лучше годик подождать. Скрепя сердце, взрослые дети подчинились. Но вот наступило последнее предшкольное лето, и Кате стукнуло семь.

Время на даче провели чудесно. Купались в озере, ходили по лесу, были безжалостно покусаны комарами, жарили шашлыки, вечером слушали соловья, переночевали с субботы на воскресенье, проснулись рано, благодаря чему смогли еще хорошо нагуляться, щедро умастив друг друга средством от комаров, москитов и мошки, пообедали, уже не шашлыком на углях, а обычным обедом с плиты, и, наконец, в четвертом часу двинулись домой.

За городом все смотрится по-другому. Вот и на этот раз проблемы мужа отошли на второй план, что дало возможность Ж(ж)ене поделиться тем, что происходило на ее на работе. Обычно она не особо распространялась на эту тему, подсознательно считая свою редакторскую деятельность вторичной по сравнению с работой супруга, занимавшегося более или менее тем, чему их учили пять лет в Университете. Но, как было сказано выше, за городом все меняется.

Некоторое время назад Жене поручили редактирование серии книжек для девочек...

– Да если бы для *девочек!* – воскликнула Женя, в то время, как Женя выруливал с дороги, засыпанной гравием, на бетонку. – Это какая-то школа гейш, если не сказать сильнее. Скажем, я делала «Энциклопедию для девочек». Так там о чем говорилось? Как подобрать косынку под цвет глаз. Или, например, какая наклейка подходит для школьной сумки, а какая – для косметички.

– Косметички! Это тебе не школа гейш?

– Женя, ты живешь в прошлом веке. «Косметичка» сейчас нормальное слово, вроде как в наше время «пенал». Нет, ты не представляешь! В этой моей новой серии нет речи про красиво-некрасиво или, там, гармонирует-негармонирует. Нет, прямо пишут: как выбрать юбку,

чтоб понравиться мальчику? Как подколоть свою подругу? Что сказать мальчику, чтоб он пригласил тебя на вечеринку? Не в кино, даже не на дискотеку, а – на вечеринку!

– Терпеть не могу это слово. Какое-то оно не русское.

– А какое? «Вечер...»

– Не знаю. «Вечер», конечно. Но все равно от него веет американщиной.

– Вообще, да, – согласилась Женя. – Хотя почему, непонятно. Да это еще что! Слово «вечеринка» я сама вставила. А у переводчицы было просто и незамысловато «пати».

Прочла я книжечку новейшую
и сразу оказалась гейшею, —

с ходу сочинил Женя. И дальше, слушая жену вполуха, принялся придумывать следующие две строчки, заранее наметив последнее слово во второй строке. Рифму «ладья», вполне подходившую для галантерейной темы, он категорически отверг как, пусть и классическую, но банальную. «Ладья» не подошла ни по смыслу, ни ударением. Женя продолжала свои сетования, а каламбур все не вытанцовывался. Еще пара минут, и будет поздно развивать двустиишие, которое к тому времени скроется за поворотом дороги. И вдруг получилось! Просто надо было не заикливаться на «-дь», а использовать «-ть».

Надену покороче платье
и в садик побегу, как блядь, я.

Женя каламбур оценила, но уточнила:

– Только не садик. Эта серия – от восьми лет.

– И на том спасибо! Ну хорошо, не «в садик», а «в школу».

Вот так они коротали те три часа, которые заняла в воскресный вечер дорога, в будний день отнимающая минут сорок. Впрочем, пробки не были для них неожиданностью. К тому же тихо играло радио классики и джаза. А когда начались «Венгерские танцы», Женя увеличил громкость, и они вообще замолчали. Брамса сменила джазовая программа, да еще с Эллой Фитцджеральд, и опять они слушали, почти не разговаривая.

В общем, доехали, как сказала Женя, «малой кровью». На что Женя отреагировал:

– Это – как кому.

Так, для порядка. Без таких ремарок пассажирка еще, чего доброго, забудет, что вождение – не менее, а то и более утомительный труд, чем готовка и глажка.

Выйдя в понедельник на работу, Женя узнал, что не всем его товарищам удалось так благостно провести уикенд.

(Вот, кстати, любопытно: почему, в отличие от *вечеринки*, *уикенд* не вызывал у Жени неприязни? Возможно, из-за своей неприкрытой англоязычности? Кто его знает.)

В ночь с субботы на воскресенье, часа в три, то есть в разгар утреннего заседания на конференции в Японии, Гене Благову позвонил Гаврилыч и, крайне возбужденный, потребовал, чтобы тот немедленно переслал ему по электронной почте испорченные снимки, те самые, с пятнами, о которых рассказывал Женя в пятницу за завтраком. Гена говорит: «Хорошо, Юрий Гаврилович, я утром прямо все сделаю». Он сразу понял, почему Гаврилыч к нему звонит: Гена единственный из всей лаборатории мог в выходной день без предварительного оформления в институт проникнуть. Он бы до директора дошел, а пропуск раздобыл. Но академика и это не устроило. Он как закричит из своей Японии: «Трах-тарарах, твою мать! Какое, трах-тарарах, утро! Немедленно!» В общем, очень Юрий Гаврилович *волновался*.

Неизвестно, с кем Гена говорил среди ночи, только, когда Миша Тикин в пятом часу примчался к институту, охрана его ждала и сразу открыла шкаф с ключами от кабинетов. Почему Миша? Потому что именно его сразу после вышеописанного разговора разбудил Гена и сказал без лишних вступлений:

– Шеф только что звонил, просил, чтоб ты ему срочно то-то и то-то прислал. Тут только одна проблемка – как тебе в лабораторию просочиться? А, ладно, не бери в голову. Ты, давай, ноги в руки, только штаны не забудь, и жми в институт. А я тем временем попытаюсь договориться, чтоб тебя впустили. Если что, ты мне прямо звони, не стесняйся. Я буду на трубочке.

Ну в самом деле, как одновременно и *ноги в руки*, и *на трубочке*? А Тикина он выбрал ясно почему: тот был самым младшим из тех, у кого в лаборатории была машина. Или, наоборот, единственным обладателем машины, к кому Гене было удобно обратиться среди ночи. Нет, если б Миши не было, он бы, конечно, и кого-то постарше *побеспокоил* или, скажем, кому-то из младших обещал оплатить такси (и нашел бы потом способ через бухгалтерию это провести). Но раз был Миша с машиной, то – чего ж лучше?

В общем, Гена все устроил. Только Мише пришлось дважды расписаться: один раз в обычном журнале, в котором он расписывался, когда приходил на работу первым и брал ключ от комнаты или когда уходил последним и сдавал его, и второй раз – в специальном журнале, который он видел впервые. Это был спецжурнал выходного дня, а он ведь прежде в такие дни не бывал в институте (массовые мероприятия не в счет).

Миша немного повозился с файлами: рисунки были очень *тяжелыми*. Дважды за это время в лаборатории звонил телефон, и шеф торопил его примерно в тех выражениях, которые были выше закодированы междометием «Трах-тарарах». Кстати, Юрия Гавриловича совершенно не удивило, что задание он дал Гене, а выполнял его Миша. Между нами говоря, он бы как раз удивился, если бы в лаборатории Гену застал.

В общем, академик Гарт получил все, что хотел. Правда, его доклад был на следующий день, и особой необходимости в такой спешке не было. Академики они такие: если приспичило, вынь да положь.

Но на самом деле был смысл в этой гонке. Был! Да еще какой! Потому что вечером, на банкете, Гарт подошел к профессору Шнайдеру и... Но нет, давайте по порядку.

Весь сыр-бор произошел из-за доклада Шнайдера, которым открывалось первое заседание секции.

* * *

Немцы, а вернее, австрийцы в своей альпийской обсерватории тоже обнаружили темное пятно. И тоже решили, что это брак. Но, в отличие от нашего, их телескоп не был жестко запрограммирован, и они легко смогли переснять этот участок неба, предварительно, разумеется, со свойственной им педантичностью проверив все оборудование. Второй раз – ничего нового. Сняли в третий. И опять то же самое получили. Проверили-перепроверили. Нет никакой ошибки!

Так что конференция началась с сенсации. Разумеется, немцы представили дело так, что они давно изучали этот участок неба и вот, наконец, обнаружили долгожданную аномалию. Но ясно как день, что это (как комментировал ироничный Юрий Гаврилович по возвращении) чистой воды случайность, но кто теперь в этом признается?

Чистой случайностью было и то, что Шнайдер стоял в программе секции первым. Его сообщение, конечно, и в конце бы впечатление произвело, но времени на обсуждение меньше было бы. А самое главное, хорошо, что Гарт еще не успел выступить.

В общем, Шнайдер доложил: так, мол, и так, обнаружено абсолютно темное пятно на таком-то участке неба. Что тут началось! Чуть ли не дошкольником его обзывали. Хотя имя

профессора Шнайдера, да и всей его школы кое-что да говорит любому, мало-мальски в астрономии разбирающемуся. Но, с другой стороны, как реагировать, когда всемирно известный ученый рассказывает сказки Шехерезады? В общем, один за другим вставали члены секции и буквально на пальцах доказывали, что этого не может быть. Ну, понятно, *пальцы* – это фигуральное выражение: у оппонентов Шнайдера кроме них были и цифры, и данные многолетних наблюдений, да и какое-никакое знание физики в пределах, мягко говоря, несколько шире школьной программы.

И когда все почти высказались, слово взял академик Гарт. Кстати, не последний человек в мировой науке. И скромненько так сообщил, что и русские исследователи обнаружили это самое затемнение. И что он собирался «осветить это темное пятно» в своем докладе завтра, но, раз сегодня об этом зашла речь, то он должен полностью поддержать уважаемого австрийского коллегу.

Нет, когда мы сказали: *Что тут началось!* – мы ошиблись. По-настоящему *началось* после выступления Юрия Гавриловича. Честное слово, если бы кто посмотрел со стороны, ни за что бы не поверил, что это светила мировой науки. Куда там! Прямо как дети, повскакали с мест, кричат: «Покажите, мол, ваши снимки! Покажите! Предъявите!» Председатель пытается их утихомирить – не тут-то было. Смех один!

Гаврилыч наш переждал это гомон и объяснил, что не думал, что снимки понадобятся сегодня, что они у него в гостинице, но что, если коллегам не терпится, он готов к вечернему заседанию их принести или вечером на банкете показать. А когда следующий доклад начался, тихонько выполз из зала заседаний и помчался в Москву звонить. К вечернему заседанию (оно в два часа по японскому времени начиналось) не получилось, и он отговорился тем, что не добрался до гостиницы. А к банкету снимочки были у него в руках. В смысле, в кармане

Все последующие дни, во всяком случае, на этой секции, докладчиков слушали вполуха. И впрямь, кто бы мог сообщить нечто сравнимое по важности с открытием пятна Шнайдера – Гарта, как к концу конференции все называли это таинственное явление. Кстати, ему было посвящено и все заключительное пленарное заседание, так что коллеги с других секций даже немного обиделись.

Весь астрономический мир мгновенно узнал о случившемся. Конечно, в обычных новостях об этом ни слова не было, но на специальных сайтах ни о чем другом не писали.

В понедельник в Москву позвонили ребята из обсерватории и возбужденно спросили: «Что, правда?» Москвичи им ничего толком объяснить не могли, только рассказали о Мишинных ночных похождениях – косвенном, но однозначном подтверждении информации из интернета.

Обсерваторщики торжествовали! На следующий день все, у кого был среди них хоть один приятель, получили по электронной почте фотографии с пьянки, которую они закатали.

Гарт вернулся из Японии триумфатором. Первым делом он позвонил директору обсерватории и изъяснился ему в любви. В разговоре он называл пятно Шнайдера – Гарта *нашим* пятном, причем имел в виду, кроме себя, разумеется, отнюдь не австрийского коллегу. Прощаясь, он передал всем сотрудникам обсерватории «огромную благодарность за самоотверженный труд, давший блестящий результат», просил найти возможность поощрить их материально и обещал «со своей стороны поспособствовать этому перед руководством», а вот о чем он не упомянул, так это о своем гневе недельной давности и звучавших тогда обещаниях «навести порядок в том бардаке, который ты развел в своем хозяйстве». Пользуясь его же собственной формулировкой, *кто теперь в этом признается?*

Для Жени результатом всех этих радостных событий стало то, что шеф наконец договорился с директором института о рассмотрении его работы на ближайшем заседании совета, что,

в сущности, означало выход на финишную прямую, с назначением даты предзащиты, утверждением оппонентов и прочими щекочущими нервы соискателя формальностями.

Прошло три месяца.

Диссертационные дела нашего героя развивались по плану, без особой спешки, но и без досадных задержек. Как ни важны детали этого процесса в жизни Жени и всего семейства Беркутовых, для нашего повествования, даже не будучи помечены звездочками, они не представляют никакого интереса. Разве что стоит отметить одну особенность.

Будучи по профессии, как говорилось выше, математиком, Женя работал в физическом институте, о чем, впрочем, тоже было сообщено. Поэтому его работа должна была проходить апробацию как у математиков, так и у астрономов. Проблема была в том, что последние, при всем своем доверии к *царице наук* и знании того, что многие открытия, в том числе в их области, были сделаны с помощью одних только расчетов, в глубине души не верили, что какие-то там формулы могут заменить старые добрые окуляры и чуть более молодые, но не менее добрые спектрометры, которые можно потрогать, что-то в них подкрутить и даже, на худой конец, испортить. Вот в испорченные приборы они верили, а в безупречные формулы – нет.

Нет, Ньютон или там Лаплас – конечно, тут кто спорит? Но одно дело Ньютон, а другое – Женя Беркутов. Тем более, что Женя в свои неполные двадцать девять лет выглядел как вчерашний выпускник вуза.

Но главное было даже не в математическом скепсисе заядлых материалистов, в котором они, кстати говоря, ни за что бы не признались, а в том, что за долгие годы работы Ю. Г. Гарт нажил среди коллег достаточное число скрытых, а порой и явных, недоброжелателей.

Всякий, побывавший на Женином месте, подтвердит, что высокий авторитет научного руководителя имеет и обратную, весьма неприятную сторону. Да это не только науки касается.

Конечно, при открытом обсуждении *личный фактор* не мог играть существенной роли, но вот когда дойдет до голосования... Но да об этом пока рано было беспокоиться.

Из других важных событий в семействе Беркутовых можно отметить то, что Катя пошла-таки в первый класс. Конечно, по одному месяцу учебы нельзя делать далеко идущие выводы, но пока она особых хлопот родителям не доставляла. Она вообще была не очень проблемным ребенком и, с одной стороны, вызывала расположение воспитательниц в садике и вот теперь – учительницы, а с другой – легко находила общий язык со сверстниками...

Кстати, о языке. Общем со сверстниками. Это – тема.

В последнее воскресенье сентября Беркутовы отправились за город. Бабье лето в тот год затянулось, и они решили ухватить, может быть, последний погожий денек.

«За город» – это громко сказано. Если кто-то представил себе туристический поход с рюкзаками за спиной, то он сильно ошибся. Хотя формально не придерешься: они и в самом деле пересекли границу города. Только проходила эта граница в трех по-окраинному длинных кварталах от их дома.

Каких-то пять остановок на автобусе: две по Москве и три уже по области – и можно дышать полной грудью! Еще около часа ушло на то, чтобы потерять из виду не только далекие очертания человеческого жилья, но и других искателей нетронутой природы.

Наконец нашлась и отличная полянка, без следов не только мусора, но и кострищ. Женя не любил возиться с костром, и они ограничивались в подобных вылазках бутербродами, холодной картошкой и крутыми яйцами, ну там огурчиками-помидорчиками, а из горячего – чаем из термоса.

Расположились, короче говоря.

Женя протянула Кате пластиковый стаканчик с чаем. Верней, она хотела поставить стаканчик перед ней, потому что чай был горячий, стакан тонкий, а за единственное не обжигающее место – верхнюю кромку – держалась сама Женя. Но Катя опередила ее и, не оценив температуру, цапнула стакан. Женя начала было:

– Осторо...

Но Катя уже обожглась, отдернула руку и расплескала чай, частично на себя, частично на руку матери, а частично на разложенные на клеенке бутерброды.

Никто не ошпарился, и этот инцидент мог бы остаться без внимания как его участников, так и нашего, если бы Катя не сопроводила его комментарием:

– Ой, блин!

Собственно говоря, ради дискуссии, возникшей из-за этого неосторожно брошенного междометия, и включен в нашу повесть весь эпизод в целом.

– Катерина! Что за выражения! – сказал отец.

– А что? – удивилась дочь.

– Ты что сейчас сказала?

– Блин.

– И что?

– Что?

– Что это означает?

– Ну блин, – удивилась она вопросу. – Который кушают.

– Ах, кушают! А почему, позволь спросить, не *оладь*, не *бутерброд* или, скажем, *кулебяк*?

Катя пожалала плечами: как будто и так неясно, что ни оладь, ни бутерброд в таких случаях не вспоминают. Видя, что дискуссия зашла в тупик, в нее включилась мама:

– Катюша, запомни: это нехорошее слово. И блин, который едят, тут совершенно ни причем.

– А какой причем?

Конечно, проще всего было бы сказать что-то вроде: «Вырастешь – узнаешь», – или: «Просто запомни, что это слово употреблять не надо». Но Беркутовы избегали подобных педагогических приемов. Пока Женя-мать соображала, как объяснить дочери, почему это слово плохое, не углубляясь в его происхождение, Женя-отец сказал:

– Просто запомни, что это слово нельзя использовать. А почему и что – узнаешь, когда подрастешь.

– Но все ведь так говорят, – сказала дочь, упорно пытавшаяся добиться истины.

Отец как будто только этого и ждал:

– Кто *все*? Кто *все*? Ты когда-нибудь слышала такое от меня или от мамы?!

Мало ли чего Катя от них не слышала! Что ж теперь, вообще не говорить? Но она понимала, что такой ответ вызовет у взрослых новый всплеск ненужных рассуждений. И промолчала. Это сошло за согласие. Или покорность. Или упрямство. Чувствуя, что все три варианта недалеки от истины, отец попытался развить свою мысль:

– Видишь ли, Катюх, есть грубые слова. Их все знают... Ну, все взрослые. В общем, все, кто знает эти слова, знают, что они неприличные. А есть слова... *Как бы* приличные. Но они означают ровно то же самое. И поэтому они еще гаже. Человек сам себе представляется таким культурным, а на самом деле...

Он еще говорил про какое-то «лицемерие». Катя раньше слышала это слово, но что оно значит, знала не точно. Хотя ясно, что что-то плохое. Но это не играло большой роли: отец ее окончательно запутал. У него так получалось, что говорить совсем неприличные слова лучше, чем другие, неизвестные Кате, но явно менее неприличные. В очередной раз она убедилась, что у этих взрослых в голове столько умных мыслей, что они сами их объяснить не могут.

Что касается Жени, то он считал, что всё изложил предельно доходчиво, и был весьма доволен собой.

Катя тем временем думала: «А как же тогда с блинами, теми, которые кушают. Их тогда как называть?» Вот бабушка недавно сделала блинчики. Тут понятно: «блинчики» говорить можно. Но это – если с творогом или мясом. А если просто? На масленицу у них в садике Елена Викторовна сказала: «Завтра будем есть блины». И все воспитательницы и нянечки повторяли: «Блин, блин... Возьми еще блин. Этот блин подгорел, возьми другой блин». Катя это точно помнила.

Вообще, в садике (или, там, в школе) и дома разные слова считаются неприличными. Сколько раз она слышала от отца: «Черт! Черт возьми! К чертям свинячьим!» А Вовка Ергошин сказал: «Черт!» – так Анастасия Георгиевна пол-урока не могла успокоиться. Целую лекцию прочла: мы, люди христианской культуры, да мы, носители чего-то там, да еще хранители еще чего-то. И главное – вместо диктанта! Вот какая польза от *черта* может быть.

Значит, так и запомним: дома блин не упоминать, а в школе – черта. Это со взрослыми. А с ребятами все можно.

Умная девочка Катя и впрямь могла находить общий язык с разными людьми.

Просветив ребенка, родители успокоились, и в остальной день прошел прекрасно.

Между тем подошел срок Жениной предзащиты. Он совершенно не волновался. Конечно, в Совете будут сидеть корифеи науки, которые всякого разного знают в тыщу раз больше Жени. Но одну малюсенькую тему он знает лучше любого профессора или академика. И речь будет идти именно о ней.

Заседание ученого совета было чистой формальностью. Члены Совета, имевшие отношение к области науки, в которой хотел сказать свое скромное слово соискатель, уже были знакомы с его исследованиями по статьям и прежним обсуждениям, а те, кто работал в других направлениях, доверяли первым. Так что серьезного обсуждения не было. Точнее, не было никакого. И не только по указанной причине.

Когда Женя закончил свое двадцатиминутное выступление и приготовился отвечать на вопросы, зная заранее, что ни одного неожиданного среди них не будет, председательствующий, он же директор института...

Но сперва несколько слов о самом институте.

Женя работал в МиМаМи – общепринятое сокращение Московского НИИ микро- и макромиров. И хотя целью проводившихся здесь работ было исследование явлений, относящихся одновременно в двум мирам, например, движения микрочастиц в глобальном пространстве или, наоборот, влияния космических полей на земные нанопроцессы, все-таки каждый из сотрудников тяготел либо к одному, либо к другому из *миров*. Соответственно, и отдельные исследовательские группы, и темы работ условно делились на макромирные и микромирные. Понятно, что лаборатория астронома Гарта относилась к первой группе. А вот директор института, молодой (для своего, разумеется, звания) член-корреспондент Академии наук Павел Дмитриевич Кубанцев, был в большей степени микромирщиком. В последнее время и на всех возможных уровнях он с гордостью докладывал о прорыве мирового значения, совершенном сотрудниками *его* института во главе с академиком Гартом, однако в глубине души таил крошечные, но ощутимые капли зависти. Нет, не лично к Юрию Гавриловичу (его он весьма уважал и в человеческом, и в научном смысле), а так, как представитель группы, не сумевшей осуществить *прорыва*, может завидовать представителю другой, осуществившей. И как раз случай подвернулся поднять беспокоившую его тему.

Итак, Женя закончил свое выступление и приготовился отвечать на вопросы, не ожидая никаких неожиданностей, но тут председательствующий, он же директор института Павел Дмитриевич Кубанцев, вместо того, чтобы открыть дискуссию, сказал:

– Молодец! Я думаю, ни у кого нет возражений одобрить эту работу. (Он оглядел немного ошарашенную аудиторию.) Вопросы отложим до защиты. А если кому-то не терпится что-то уточнить, можно – в рабочем порядке. Да? (Все растерянно закивали.) Вот и отлично! Я о чем хотел сказать? Жень, ты присядь пока. Все мы не так давно поздравляли Юрия Гавриловича с заслуженным успехом. Но наука не стоит на месте. Зачем за примерами далеко ходить? Американцы сообщили об открытии клюп-частицы. У нас принято кивать, мол, американцы, у них оборудование самое современное, денег куры, или кто там? – индейки не клюют. Но тут что можно сказать в наше оправдание? С одной стороны, мы и на своем, каком-никаком, оборудовании открываем пятно Шнайдера – Гарта, а с другой – американцы без всякой дорогостоящей техники, буквально одной шариковой ручкой вычисляют эту самую клюпу. Что, у нас шариковых ручек мало? Нет, товарищи дорогие, у нас другое. Вот такой вот математик – ну, вы работу его только что сами слышали – сидит себе в астрономической лаборатории, где и без его формул мировые прорывы совершаются. Нет, конечно, и там ему работа найдется, я ничего, ЮрьГаврилч, сказать не хочу. Но только, вы уж извините, сейчас время не такое, чтобы так кадры использовать, процентов на... В общем, не на сто. Ты, Жень... Евгений Антонович, как, чувствуешь себя в силах потягаться с американцами? Ладно, нечего скромничать, что ты плечиками пожимаешь и глазки опускаешь, как девица на выданье? «Можно попытаться!» Вот это ближе к правильному ответу. Так и попытайся! (Он снова обратился к членам Совета.) Короче, я предлагаю сейчас прямо, не откладывая, создать группу математических исследований, а когда Евгения... э-э-э... Антоновича *утвердят*, то и лабораторию. Есть возражения? А вы, ЮрьГаврилч, не обижайтесь: он по роду своей работы все равно ваши задачи решать будет. Но – но! – и других подразделений. Вот что важно. Все согласны? Тогда нам остается только пожелать Жене готовиться к защите – там-то ему спуску не дадим, а в новой работе – открыть новые клюп-, шмюп- и прочие дрюп-частицы!

Женя возвращался домой... Словосочетание «в приподнятом настроении» довольно точно отражает его состояние. Именно *приподнятым* он себя чувствовал. В самом прямом смысле. И не только ростом он был выше, но и в плечах шире. Добрый великан из сказки, да и только. Вот идут вокруг люди и не знают того, что знает он. О чем он написал в своей работе, и, между прочим, крупнейшие ученые страны признали, что даже вопросы задавать – излишне! И пусть это – не самая большая тайна мироздания, даже, прямо скажем, микроскопическая. Но все-таки об этой крошечной детали в гигантском сооружении, которое называется Природой, даже не догадывается никто из вот этих вот пассажиров метро, спешащих по своим незамысловатым делам.

Женя доехал до пересадки и перешел на свою ветку. Вошел в вагон. Народу в этот час было не очень много: как раз чтобы занять все сидячие места, да еще около одной из дверей стояла шумная троица подвыпивших мужчин полуинтеллигентного вида. Женя встал в соседнем дверном проеме.

Трое стоящих что-то оживленно обсуждали, не стесняясь в выражениях. Как, впрочем, и в громкости их произнесения. Женя огляделся: может, это только он слышит, а остальным шум поезда всё заглушает? Нет, судя по тому напряженному безразличию, которое блуждало на лицах, все были в курсе проблем, беспокоивших его соседей. Будь на их месте галдящая компания семи- или даже одиннадцатиклассников, во весь голос обсуждающая контрольную или первенство школы по волейболу, обязательно какой-нибудь, и даже не один, пассажир, отчитал бы их, указав, что они не одни в вагоне, и растолковав, как следует себя вести, и все прочее, на что горазды транспортные дидактики. Но одно дело безобидные школяры, а совсем

иное – здоровенные жлобы, к тому же еще и плохо себя контролирурующие. Пока что они не контролируют свои языки, а сунешься – они и руки перестанут контролировать. Да даже если просто обложат матюгами – кому приятно?

В другое время, может быть, и Женя бы придал лицу отрешенно-самоуглубленное выражение и, доехав до соседней остановки, перешел в соседний вагон под видом поиска сидячего места. Но – не в этот вечер, когда он был выше ростом и шире в плечах, чем обычно.

Женя оторвался от двери с надписью «Не прислоняться» и двинулся вдоль качающегося вагона, удерживая равновесие с помощью верхнего поручня. Вагон насторожился, а когда он приблизился к беседующим, то и напрягся. А как тут не напрячься, если все знали, что сейчас произойдет. *Этот интеллигент* скажет: «Да вы что себе позволяете?! Вы где находитесь?! А ну...» Но что «а ну», никто не узнает, потому что *эти хамы* начнут его бить. И вот тут-то важно не упустить момента для того, чтобы кинуться врассыпную.

Но ничего этого не произошло, и никто даже не узнал о чем *этот* говорил с *этими*. Потому что гигант, осознающий свою необъятную физическую и духовную силу, не нуждается в окриках. Он говорит спокойно и дружелюбно. И, главное, негромко

В тот момент, когда один из собеседников сообщил приятелям, что, «судя по процентовкам, блядь, там по сорок выходят, а я им говорю: хули сорок драть-то? Уж тогда, бля...», – в этот кульминационный момент хозяйственного спора Женя добрался до них, приятельски приблизил свою голову к их головам и задушевно произнес:

– Ребята, насчет «бля» и «хули» – чуток поосторожней, а? Тут женщины...

Эффект изумил самого Женю. Разговаривавшие удивленно, будто только сейчас заметили, что находятся среди людей, завертели головами, а тот, кого он перебил, спросил:

– А мы что, мы очень... того?..

Женя с огорченной улыбкой покивал, как бы говоря движениями головы: «Увы, увы...»

– Извини, батя, – сказал второй из троицы, то ли в сумраке вагона переоценивший Женин возраст, то ли и не пытаясь его оценивать, а просто понимая, что подобное замечание может сделать лишь почтенный старец.

Третий успокоил Женю:

– Всё путем!

– Ага, – сказал Женя и вернулся в свою дверную нишу.

В продолжение четырех перегонов, пока трое приятелей не вышли, они время от времени оглядывались на Женю и показывали ему руку со сжатым кулаком, но не угрожая, а – как «Но пасаран», в смысле: *Не бойсь, дядя, всё под контролем, мы фильтруем базар*. И Женя отвечал понимающей улыбкой.

Интересно добавить, что никто из ехавших в вагоне не подумал: «Оказывается, можно по-людски договориться». Нет, часть наблюдавших вышеописанную сцену решила, что эти четверо знакомы между собой, и поэтому *интеллигенту* сошло с рук вмешательство в разговор, а часть – что он просто спросил, например, какая остановка следующая, и они ответили (правда, осталось неясно, почему после этого изменились громкость их разговора и лексикон, но это уже были никому не интересные мелочи). И один человек решил, что под шкурой интеллигента скрывался мент, негромко, но веско припугнувший распоясавшихся хулиганов. Но самое простое предположение – что Женя просто попросил ребят следить за своей речью и они вняли его просьбе – почему-то никому не пришло в голову.

* * *

А теперь насчет клюп-частиц, о которых упомянул П. Д. Кубанцев.

Как справедливо заметил он же, наука на месте не стоит. В то время, как часть мирового научного сообщества пыталась осмыслить открытие австрийских и российских астрономов, то есть, попросту говоря, выяснить, что же собой представляет таинственное пятно, другие, не имеющие отношения к *музыке сфер*, занимались своими вопросами и, по крайней мере, некоторые из них – небезуспешно. В частности, удача сопутствовала американской группе молодых исследователей под руководством нобелевского лауреата Джошуа Адамса.

Достигнув определенного положения в своей области, любого человека тянет на нечто обобщающе-всемирно-сущностно-значимое. Так и Адамс, удостоенный всех возможных регалий в области химии, пресытился родной наукой и решил воспользоваться своим исключительным положением в университете, где заведовал кафедрой. Кафедру он передал любимому ученику, тоже всемирно известному, а сам организовал лабораторию, которая, собственно говоря, так и называлась – Адамс-лаб. Да и сложно было бы дать ей более конкретное наименование, потому что занималась она чем-то совершенно неконкретным. И то сказать: Адамс набрал не только химиков (что вполне естественно), а еще и физиков и математиков (что довольно логично), философов (что еще понятно), а также вовсе необъяснимых лингвиста, музыковеда, парапсихолога и даже богослова с врачом, почему-то гастроэнтерологом. Всего получилось 17 человек, причем, это число было не случайным: он заранее наметил взять именно столько.

Коллектив получился вполне интернациональный: тут встречались и китайские, и славянские, и испанские фамилии, не говоря уж об англо-саксонских. Что касается полового состава, то, с учетом заведующего, в лаборатории было поровну мужчин и женщин.

Ко всем кандидатам предъявлялось два требования – быть не старше 23 лет и обладать магистерской (но ни в коем случае не докторской!) степенью. В остальном к каждому был свой подход. После небольшого собеседования, в ходе которого получили отказ примерно четверо из пяти, Адамс давал задания. От медика потребовалось знание поэзии Огдена Нэша и музыки Шёнберга. От музыканта – решения задач из сборника «Логические парадоксы для старшеклассников», причем важно было не правильное решение, а ошибочно-замысловатый ход мысли: принятый кандидат не справился ни с одной задачей, но продемонстрировал нечто, очевидно, более ценное с точки зрения экзаменатора. Богослову Адамс предложил написать реферат «Зависимость цветения декоративных кактусов от пристрастия их хозяина к посещению порносайтов». И хотя никакой зависимости обнаружено не было (да и какая тут могла бы быть связь?), что-то в рассуждениях, представленных на его суд, Адамсу приглянулось. И так далее. В частности, философ должен был приготовить украинский борщ, не заглядывая в интернет, в результате чего он не только освоил азы кулинарии, но и восстановил почти утраченные навыки работы с «бумажной» библиотекой. Это еще перечислены только задания, предложенные принятым на работу. А на каких фантазиях Адамса «сломались» отвергнутые, так и осталось неизвестным широкой общественности.

Все это можно было бы назвать блажью пресыщенно-прихотливого ума, если бы ее результатом не стал грандиозный успех, о котором говорилось выше, а именно – открытие клюп-частицы.

Клюп-частицей Адамс и его соратники назвали открытую ими мельчайшую частицу вещества – ту самую, из которых состоят так называемые кирпичики материи, элементарные частицы. Размер этой «клюд» столь мал, что не поддается никакой фиксации физическими и другими известными методами. Она – просто невидимка. Причем, взять, к примеру, микробов, которые тысячи лет жили себе в человеке и рядом с ним, а он не подозревал об их существовании. Так то – пока не было прибора, чтоб их увидеть. А пришел Левенгук – и пожалуйста, микробы как на ладони, облюбуйся! Или те же элементарные частицы: их видать – не видно, но приборы фиксируют так, что лучше и не надо. А тут – хоть тыщу лет изобретай, никакого прибора изобрести невозможно, потому что нет ни поля, ни силы, чтоб могли с этими самыми клюп-частицами взаимодействовать: те просто проскакивают между силовыми линиями, как

мальки – в ячейки крупного невода. Один из сотрудников Адамса, Лео Айзеншпиц (кстати, математик), в этой связи вспомнил русскую поговорку: «Клопа танком не раздавишь». Это тонкое народное наблюдение привело в восторг нобелевского лауреата, и еще не обнаруженная частица тут же получила свое наименование: Адамс произносил «клоп» как «клюп».

Основой работы Адамс-лаб стала идея о том, что, как бы ни была незаметна клюп-частица, она не может не оставлять следа. Как, собственно говоря, *ничто в этом мире не проходит бесследно*. Последнюю мысль можно было бы по справедливости отнести к числу общих мест и глубокомысленных банальностей, сплошь и рядом используемых авторами литературных произведений, подобных ныне читаемому. Однако именно на таких очевидностях и порой, прямо скажем, благоглупостях и базировались все расчеты группы Адамса. Интеллектуальная мощь этих полутора дюжин головастых ребят сказалась именно в том, что им удалось перевести суть подобных незамысловатых афоризмов на язык строгих формул и, в конечном счете, не только доказать существование мельчайшей крупы вещества (что и так было понятно: раз есть кирпичи, то должна быть и глина, из которой они слеплены), но и составить алгоритм расчета средней концентрации клюп-частиц в окружающем пространстве (или, иначе, клюп-плотности)! Хотя и это – не совсем точное название. Никто ведь не фиксирует сами эти частицы, а, так сказать, – намек на тень отпечатка их следов. Так что нельзя рассчитать: «Их в одном кубическом метре (или микроне, не суть важно) – столько-то тысяч (или квадриллионов, опять же не суть)». Это скорей – как если смотришь на снегопад: сколько снежинок, не сосчитать, но можно оценить, густо снег идет или, так, слегка сыплет. Такое почти интуитивное ощущение более или менее интенсивного мельтешения частиц в пространстве и было названо клюп-плотностью .

Вот на проведение подобных работ, пусть, и в не столь глобальных масштабах, и направил директор МиМаМи Павел Кубанцев свежее испеченного кандидата физматнаук (забежим чуть-чуть вперед и скажем, что защита прошла вполне успешно). И, кстати, академик Гарт не возражал. Напротив, на устроенном Женей банкете он произнес тост в том духе, что за минувший год ему посчастливилось стать автором двух открытий: пятна (вместе с профессором Шнайдером) и Жени Беркутова (самолично).

Глава вторая

Прошло четыре года. Да, ровно четыре. Опять, как тогда, осень.

Мы застаем семейство Беркутовых в несколько измененном составе: у них временно живет дедушка, Антон Сергеевич Беркутов. За несколько лет до этого, еще до начала нашего рассказа, умерла его жена, мама Жени, и он, еще не старый мужчина, жил один. Но когда, при первых заморозках поскользнувшись на льду, Антон Сергеевич сломал ногу, *дети* решили его взять к себе.

Теперь *дед Антон* с загипсованной ногой получил возможность восполнить многое, на что в здоровом состоянии у него не было времени: читать не урывками, смотреть кино не кусочками и, самое главное, вдоволь общаться с внучкой. Богатый учительский опыт помог Антону Сергеевичу легко найти общий язык с Катей. Вообще, у них началась какая-то своя, отдельная, жизнь. Например, они начинали смеяться, когда ничего смешного, с точки зрения остальных, не происходило. Женя спрашивал:

– Пап, что смешного? Расскажите, нам тоже интересно.

На это Антон Сергеевич обычно отвечал:

– Нет, ничего, это мы о своем, о *дэдуцьем*.

Нетрудно заметить, что свою тягу к каламбурам Женя унаследовал от отца, да еще и развил это качество: тот ограничивался прозой. Кстати, происшествие с отцом вдохновило Женю на такое четверостишие:

Ледовая тропа гладка.

Теперь сиди и гипс свой гладь-ка!

Да только, не было б катка,

Без дедушки скучала б Катька.

По средам и субботам Катя ходила на рисование. В среду ее отводила мама, а в субботу – папа.

В очередную среду Антон Сергеевич сидел и наслаждался документальным фильмом о кулинарии в Древнем Риме. От аппетитных подробностей у него уже начало у самого посасывать в животе, как раздался звонок в дверь.

Инвалид, кряхтя и ворча, оперся на костыли и поковылял в коридор. Ворчал он по поводу закономерности случайности, приведшей нежданного гостя именно тогда, когда он был один в квартире.

Но в этом не было случайности, а одна лишь закономерность. Катина учительница, Ника Аркадьевна, окольными вопросами выяснив у Кати их семейное расписание, специально выбрала время, чтобы поговорить с дедушкой один на один.

Так вот, Ника Аркадьевна.

Она вошла, извиняясь, что побеспокоила больного, который, в свою очередь, извинялся за то, что не может напоить ее чаем и вообще *принять* должным образом. Единственным доступным ему жестом гостеприимства было выключение телевизора.

– Меня очень беспокоит Катя, – начала Ника Аркадьевна, когда закончился обмен любезностями и все расположились: люди – на стульях, больная нога – на пуфике.

Для полноты картины надо указать: диван под наброшенным пледом, скрывающим постельное белье; вазу на столе, без цветов, зато с карандашами и фломастерами; рядом – разбросанные книги, блокнот и атлас мира – предметы, необходимые больному для решения кроссвордов и занятий с внучкой и за которыми, по состоянию своего здоровья, он не мог постоянно ходить к шкафу; кроме того, на столе лежали телефонная трубка, пульт от теле-

визора и несколько дисков с фильмами, а отдельной батареей грудилась в углу лекарства. В общем, все это напоминало картину «Визит участкового врача», тем более, что в некоем высшем смысле врач и учитель – коллеги.

Итак, Ника Аркадьевна начала с того, что ее беспокоит Катя:

– Вы знаете, это все как-то резко произошло. Я чувствую, вот просто буквально сердцем чую, что на нее кто-то плохо влияет.

Антон Сергеевич невольно усмехнулся. Ника Аркадьевна истолковала его реакцию по-своему и воскликнула:

– Нет, вы так легко это не воспринимайте! Я знаю, как родители обычно слушают нас, педагогов. Поэтому я, кстати, и хотела переговорить сперва с вами: вы, я уверена, более серьезно отнесетесь, чем папа с мамой. Это очень серьезно, и первые сигнальчики, звоночки видит учитель!

– Слышит, – автоматически уточнил Антон Сергеевич и тут же пожалел об этом.

– Что?

– Нет-нет, ничего, я просто согласился с вами, что педагог первым *замечает*. Я сам учитель, вот только сейчас... – он указал на гипс.

– Вот и замечательно! Значит, мы пойдем друг друга! Ведь дома, вы сами знаете, они не раскрываются. А в школе, среди сверстников... Но, честно сказать, я всего могла ожидать. От любого. Но только не от Кати!

– Да что она такого натворила?

– Вы знаете, что она ругается матом?

Антон Сергеевич чуть ногу с пуфика не уронил и застонал от резкой боли.

– Представьте себе! Не далее, как позавчера она при всем классе, не стесняясь, выругалась самым... Ну самым непотребным образом!

– Что же она сказала?

– Какая разница?

– Все-таки. Если мы узнаем, что именно, то сможем выяснить, где она это услышала.

Этот довод убедил Нику Аркадьевну, и она сказала:

– Она сказала...

Следующее слово она произнесла в три приема:

– ...по... (вслух)

...хер... (одними губами)

...ить! (снова вслух)

Антон Сергеевич выдохнул с облегчением:

– И всё?

– А вам мало?! – ужаснулась Ника Сергеевна.

– Простите, вы какой предмет ведете?

– Русский язык и литературу. Но сейчас я пришла как классный руководитель.

– Как филолог вы безусловно знаете, что *хер* – название буквы, такое же, как, скажем, *ижца* или *ять*.

– Да, но ведь не только!..

Антон Сергеевич, на правах старшего, остановил ее жестом ладони. После чего прочел небольшую лекцию, пересыпая ее вставочками «Вы, конечно, знаете», «Как известно» и «Вы же согласитесь», о трагической истории обычной буквы, волей случая имевшей форму крестика, которая превратилась в одно из самых неприличных слов родного языка. Несмотря на его словесные реверансы, она всплескивала руками и краснела, когда он произносил:

– Ведь в те времена *похерить* или *положить хер* значило не более чем *зачеркнуть*, *перечеркнуть*, как бы изобразив поверх зачеркнутого эту букву...

Или:

– Это вроде как нынешние скромники говорят: «гэ», «жэ» или «бэ». (Покраснела.) Только тогда еще помнили названия букв и вместо «хэ» говорили «хер». (Всплеснула.) А нынче это звучит как отдельное слово, стараниями этих горе-скромников ставшее неприличным...

Нетрудно заметить, что Антон Сергеевич, как и его сын, был сторонником взглядов писателя и публициста Арсения Морковцева. Это понятно любому, кто хоть раз слышал по радио или читал в интернете пламенные выступления Морковцева в защиту чистоты языка. Беда в том, что Ника Аркадьевна с ними не была знакома, и смысл того, что говорил Беркутов-старший, остался для нее так же темен, как в начале нашего рассказа – речи Беркутова-среднего для Беркутовой-младшей, удивившейся, что папа предпочитает грубые слова не очень грубым.

«Как? – удивится, в свою очередь, читатель, – вы хотите сказать, что это одно и то же – считать «блин» неприличным словом, а «похерить» – приличным?» Лучшим ответом на это было бы просто предложить поискать по сети и прочесть первоисточник – того же Морковцева. Тем не менее рассказчик воспользуется тем, что данная часть текста не помечена звездочками и он может позволить себе пересказ отвлеченных теорий. А именно: что «х*й» остается х*ем, «бл*дь» – бл*дью, а «ёб» (уж извините, некуда тут звездочку вставить!) – ёбом, даже если назвать их «фигом», «блином» или «ё-мое», и что...

Нет, всё как-то коряво выходит. Пересказу никогда не заменить первоисточника. Тем более, что, пока рассказчик пытался изложить идеи Морковцева, он (то есть рассказчик) параллельно набрал в поисковой системе «морковцев мат хер блин фигово» (надо просто знать ключевые слова) и по первой же ссылке нашел цитату, которую и приводит здесь:

*«Разница между неприкрытым **матерщинником** и тем, кто использует слова вроде «блин» или «пó **фигу**», такая же, как между флибустьером, идущим на абордаж, и тем прохвостом, который приглашает свою жертву в таверну и за дружеской беседой подсыпает в вино снотворное или яд, а потом очищает карманы не хуже откровенного грабителя. Не знаю, как кому, но мне лично явный бандит представляется фигурой не самой достойной, но все же не вызывающей такого омерзения, как отравитель».*

Вот так будет лучше, чем пересказывать. Что же касается слова *похерить*, то использующего его можно, продолжая «пиратское» сравнение Морковцева, сравнить с коллекционером старинного оружия, в чьем собрании хранится жутко грозное на вид орудие, которое мы с вами принимаем за смертоносную саблю, но специалист-то отлично знает, что это всего-навсего нож для разделки рыбы и мяса из бригадинного камбуза (впрочем, не исключено, что кок был одноногим и имел прозвище Окорок).

Так или иначе, Ника Аркадьевна поняла, у кого Катя *понабралась* этого ужасного слова, хотя, в силу уважения к старшему коллеге, и отнесла это на счет его наивной привязанности к архаизмам. Поэтому она не стала спорить, тем более, что у нее был заготовлен для обсуждения еще один вопиющий факт.

– Хорошо, оставим это. Но ведь ничего не бывает само по себе. Все ведь взаимосвязано. И вот результат! Выражения выражениями, но она и уроки перестала учить!

Это было действительно новостью! Антон Сергеевич сказал:

– Не знаю, может, прежде. Но за тот месяц, что я тут...

– Нет, именно сейчас! Мне, правда, другие учителя еще не жаловались, но я уверена, скоро пожалуются. Пока я о своем предмете говорю. Вот, скажем, в среду она не выучила стихотворение.

– Странно. Я с ней по дневнику смотрел. Может, она не записала...

– Может, и не записала. Но так бы и сказала: «Я забыла». Или: «Не успела». Ладно, всяко бывает. Хотя раньше с ней и такого не случалось. Но тут – вот просто встала и говорит: «Я не выучила, потому что это плохие стихи». Как вам это понравится?

– А! – засмеялся Антон Сергеевич. – Вот дурочка!

– Как-то странно вы это воспринимаете, – вздела брови Ника Аркадьевна.

– Видите ли, я, кажется, знаю, кто на мою внучку дурно влияет.

– Кто же? – спросила Ника Аркадьевна, предчувствуя ответ.

И она не ошиблась.

– Казните или милуйте, но он перед вами. Это я сказал Катьке: «Если тебе поставят двойку за то, что ты не выучила эту белиберду, я тебя ругать не буду и родителям не дам».

– Но почему?

– Как почему! Вы сами это читали?

Он, припоминая, сморщил лицо от носа и выше, до корней лысеющих волос и продекларировал с пародийной помпезностью:

Я люблю красоту твоих пашен
И бескрайность широких степей!..

– Ну знаете, – возмутилась Ника Аркадьевна, – если *так* прочесть, что угодно можно назвать ерундой.

– Положим, Есенина как ни прочти, он Есениным останется.

– Причем тут...

Она осеклась, но было поздно, Антон Сергеевич торжествующе воскликнул:

– Вот именно, что ни при чем! *Это* вообще к поэзии не имеет отношения.

Она хотела возразить, но он ее остановил:

– Погодите, там еще смешное место есть. Сейчас-сейчас...

Трех высоких берез над обрывом
Тра-та-та́ та-та-та́ белизна.

– «Горделиво царит...», – невольно подсказала учительница, сама же смутилась, потом смутилась своего смущения и, чтобы скрыть его, спросила излишне строго: – И что вам тут показалось смешно?

– Ах да, да! – обрадовался Антон Сергеевич. – Как это я забыл! Именно «горделиво»! «Три гордые пальмы».

– Какие ещё пальмы?!

– Разве вы не слышите? Это – дрянной парафраз Лермонтова, причем в одну кучу смешаны и «чета белеющих берез» и «три гордые пальмы высоко росли».

– Так Лермонтов же!

– Да послушайте. Вот я физик...

– А, тогда понятно.

– Что понятно? Вы хотите сказать: «Что может физик понимать в стихах?»

– Ну... Не совсем...

– Совсем, совсем! Но я сейчас о другом. Взять наш учебник – в нем пересказывается то, что Ньютон или, скажем, Резерфорд описали слишком сложно для ребенка, да и не нужны школьнику такие подробности, как в научной статье или монографии. Физику или биологию по-другому преподавать невозможно. Но литературу-то надо читать не в пересказе. А эти стихи – именно пересказ, своего рода выжимка из Лермонтова, Есенина, Твардовского.

– А что тут плохого?

– Да то, что, во-первых, это бездарно. А во-вторых, как их соединить, если не перемолоть предварительно в этакий фарш из штампов? Вместо того, чтобы привить ребенку любовь к настоящей литературе, ему как бы говорят: не читай ничего, прочти эту ахинею и ты будешь, что называется, *Родину любить*.

– Конечно! Эти стихи учат любить Родину, понимать красоту природы!..

– Да какую красоту! «Бескрайность широких степей»!

– Именно! Как говорится, «красота спасет мир».

– Боюсь, такая красота ничто спасти не может.

– Знаете что, эта хрестоматия утверждена Министерством образования. Вы тоже учите по утвержденным учебникам, а не выдумываете теоремы из головы.

– Положим, теоремы изучают математики, но неважно.

– Вот именно, неважно. А важно то, что сегодня она отказывается стихи учить, потому что они, видите ли, не соответствуют ее, а точнее, вашему изысканному вкусу, а завтра откажется наш Гимн исполнять!..

Повисла неловкая пауза. Антон Сергеевич пожевал губами, как бы проглотив ответ: для человека, большую часть жизни прожившего при советской власти, да еще и работавшего в школе, этот поворот беседы был за той гранью, до которой он был готов что-либо обсуждать с малознакомым человеком. Неловкость чувствовала и Ника Аркадьевна: хотя она и понимала, что нокаутировала оппонента, но при этом косвенно *сама* высказала сомнение в высоких художественных достоинствах главного стихотворения страны.

Наконец, Антон Сергеевич произнес:

– Хорошо, я поговорю с Катей.

– Поймите, дело в том...

– Я все понял. Не волнуйтесь.

Она поднялась. Состояние позволяло ему не вставать, да и желания любезничать не было, но он, тем не менее, потянулся за костылем.

– Что вы, что вы! Не беспокойтесь! – забормотала Ника Аркадьевна.

Но Антон Сергеевич, понимая, что не способен даже подать пальто, не мог усидеть и проводил ее до двери.

Скоро ли Ника Аркадьевна успокоилась и утвердилась в сознании с честью выполненного долга, не известно, зато об Антоне Сергеевиче имеются более точные сведения: он приковывался на свое место, положил ногу на пуфик и долго сидел, думая о внучке и о том, как ей объяснить, что не всем надо делиться с широкой общественностью.

После чего его губы произнесли нечто, не имеющее отношения к этим мыслям, а именно:

– Красота, блядь, спасет мир!..

За четыре года небольшая группа Беркутова выросла в лабораторию, правда, для лаборатории тоже небольшую. В подчинении Евгения Антоновича, нет, будем, на правах старых знакомых по-прежнему звать его Женей, так вот, в его подчинении было шесть человек: два математика (Костя Лещ и Наташа Райская, кандидат наук), один программист (Руслан Якупов), две лаборантки (Наденька и Яночка) и один... в общем, выпускник технического вуза (Олег Чупрынин), немного знавший математику, немного – физику с химией, но главное – потрясающе управляющийся с любой техникой, от водопроводной до сложнейшей электроники. Он просто открывал любой прибор и знал, что там с чем сцепляется, что с чем контактирует и что куда перетекает.

Хотя нет, что за дискриминация: если уж всех по фамилиям, то и девочек тоже: Надежда Лебедева и Яна Бежинская. Вот теперь полный список.

Семь – неплохое число, пожалуй, даже изящней полутора Адамсовых дюжин (если считать вместе с завлабами). Кстати, отсутствие в *нашей* лаборатории философов и музыковедов

отчасти компенсировалось широтой интересов наших технарей и математиков. Не то, чтобы Женя, по примеру своего знаменитого заокеанского предшественника специально экзаменовал их на этот предмет, да он и вообще сам ничего не решал: кого руководство МиМаМи назначило, те здесь и работали. Но факт, что молодой выпускник престижного вуза не пошел в коммерческую фирму, куда бы его, безусловно, с готовностью взяли, кое о чем говорит. Только вот Наденька с Яночкой были вполне среднестатистические девицы, и что их здесь держало, честно сказать, мы определить не беремся, но уж, во всяком случае, не стремление к познанию тайн Вселенной. Да от них это и не требовалось, а свои обязанности они выполняли отлично. Кстати, даже девочки не обращались к Жене по отчеству. Впрочем, за ним в лаборатории укрепилось имя Босс. Сперва в шутку, а потом все привыкли, и, вроде бы, его по-другому и назвать было неловко. Босс, и при этом – на ты.

Для полноты картины надо отметить, что за время существования сначала группы, а потом лаборатории через нее прошла еще тройка очень толковых, но для нашего рассказа оставшихся безымянными ребят. Они как раз и перешли отсюда в более хлебные места, в чем их, разумеется, обвинять никоим образом нельзя. Просто стоит отметить, что если лаборатория Адамса формировалась по принципу селекции, то тут в полной мере действовал естественный отбор.

Читатель, конечно же, догадывается, что не случайно рассказчик перескочил именно через четыре года, а не, скажем, через три или пять лет. Ну, право, не для того же, чтоб рассказать о том, что Антон Сергеевич сломал ногу. Как ни значительно это событие в масштабах семьи Беркутовых, оно попало в наш рассказ просто потому, что хронологически совпало с неким открытием, действительно представляющим общий интерес.

* * *

Или нет, пока еще не звездочки. Это более или менее к делу относится, но, наверно, можно и пропустить. Если кто спешит, конечно.

МАЛ (математико-аналитическая лаборатория, кстати, ее сотрудников весь институт ласково звал *мальшами*) была создана для математико-аналитического обслуживания всех прочих лабораторий, секторов и отделов, но у нее были и собственные интересы. Нетрудно догадаться, что они касались клюп-частиц.

Любопытное зрелище представляла собой эта лаборатория. Пожалуй, больше всего она была похожа на студию детского рукоделия. Какие-то оригами свисали с потолка, повсюду были разбросаны картинки, нарисованные то ли юным дарованием, то ли взрослой бездарью, рядом – аналогичного качества фигурки из пластилина. Далее – разнообразные горелки, от раритетного керогаза до спиртового кипятильника; конструкции из реечек; бумажные и матерчатые парашютики; паруса и флюгеры из ватмана и картона (все – разнообразных форм и раскрасок); маски и орудия народов мира; посуда, шляпки, веера, и вдруг – настоящее чугунное ядро, противогаз времен ОСОАВИАХИМа или ржавые кандалы а-ля Емелька Пугачев. Глаза разбегались! Это – видимая часть айсберга, а то, что таилось, так сказать, под поверхностью воды, а если без метафор, то в памяти их компьютеров и в показаниях приборов, было известно только самим хозяевам МАЛ.

Зато в углу, где сидели *девочки*, царил порядок и уют. Здесь же стоял чайный стол, всегда готовый принять старших сотрудников, продолжавших с чашками в руках обсуждать свои проблемы. Порой научные вопросы плавно перетекали во вполне житейские, и тогда в их обсуждение втягивался весь наличный состав лаборатории. Потом неожиданно оказывалось, что снова говорят о работе. И где проходила грань между этими темами, различить было невоз-

можно. Уж такая это была наука. Кстати, большинство вышеупомянутых и вовсе не упомянутых самоделок были сделаны именно Наденькой и Яночкой.

Единственное, в чем в лаборатории не было (извините за невольный каламбур) единства, так это музыка. *Босс* терпеть не мог песенки, которые норовили включить, пусть тихо-тихо, *девочки*. Того же «Робота», который «поможет в любом деле, только не в постели». Причем, если уменьшали громкость, он раздражался еще сильнее: мол, невольно прислушиваешься и совсем отвлекаешься. Он *какую-то цуму* (по мнению молодого поколения) слушал, лишь бы было не по-русски или вообще без слов. Наташа Райская эти его пристрастия разделяла, но не так яростно за них билась. То есть, если без Жени *девочки свое* включали, она молчала. А Косте с Русланом это вообще без разницы было. Лишь бы что-то звучало. Что до Олега, то он все равно в наушниках сидел и только головой потряхивал в такт неслышной музыки, что, кстати, нисколько не отражалось на точности движений его рук.

И еще одно. Тоже, собственно говоря, открытие. Хотя к постижению секретов мироздания оно и не относится, но все-таки.

После того случая, когда Женя так удачно пресек поток полуосмысленной брани в вагоне поезда, он преисполнился сознанием, что может находить общий язык с подобного рода нарушителями если не общественного порядка, то общественной тишины. И вот, раз, на вокзале, в утомительной очереди к пригородной кассе, уже будучи не один, а с Женей, он вмешался в разговор, который все окружающие слышали, но никто не решался прервать.

Собственно говоря, и Жене не очень хотелось встревать. Но он имел неосторожность тогда же, после предзащиты, рассказать дома о том, что произошло в метро. Так что теперь, при жене, нельзя было ударить в грязь лицом. И он, как и тогда, вежливо и негромко, так сказать, не привлекая внимания широкой общественности, обратился к говорящим (в этот раз их было двое). И снова был похожий эффект. Парни оглянулись, покивали головами и перешли на литературный русский.

Потом он еще несколько раз, причем, с каждым разом все уверенней, повторял этот *трюк*, и всегда – одинаково успешно.

И наконец Женя Беркутов понял, в чем дело.

В сущности, любой человек (кроме, может быть, каких-то совсем криминальных типов; но с ними Женя и не сталкивался) вполне себя контролирует и следит за своей речью. Но это – если он находится среди людей. А, скажем, на лоне природы, где его слышат одни деревья, – какой резон себя обуздывать? Так вот, в пылу увлекательного разговора, особенно если еще и под винными парами, но не обязательно, иной раз и вполне на трезвую голову, кое-кто как бы забывает, что находится не в лесу. (А вы сами не ловили себя на ощущении, что незнакомые попутчики в транспорте, пешеходы на улице или сидящие на соседних скамейках в парке – не вполне *люди*, а – нечто вроде деревьев? Не ловили? Ни разу? Тогда вам надо провериться либо на наличие нимба, либо на отсутствие наблюдательности.) Но даже *са́мому*, мягко говоря, *не святому* в такой ситуации достаточно просто напомнить, что вокруг – братья по разуму...

Нет, *достаточно* – не то слово. Или уж, говоря математически, *необходимо и достаточно*, то есть ровно столько и ничуть не больше: простое напоминание сработает, а сверх того (например, наставление, как следует вести себя в обществе, или угроза применения силы) – вызовет обратную реакцию.

Так вот, даже *са́мому*, мягко говоря, *не святому* в такой ситуации *нужно* просто напомнить, что вокруг – братья по разуму, и он мгновенно приходит в себя, извиняется и дальше ведет себя вполне сдержанно. Разумеется, пока беседа снова не примет до забвения увлекательного оборота. Но тут достаточно просто посмотреть с легкой укоризной – и все нормализуется.

Вот такое открытие сделал Женя. Любопытное, хотя и не сравнимое по значению с тем, о котором пойдет речь далее.

А вот теперь точно —

* * *

Возясь с уравнениями Адамса, *мальшии* сообразили простую вещь. Сейчас трудно сказать, кто первое слово сказал, кто мысль развил, кто какое уточнение внес, какую деталь додумал; это, вообще, главным образом за чаем обсуждалось. Так или иначе, они заметили, что, собственно говоря, все необходимые параметры могут браться не только из окружающей действительности, но и восстанавливаться из прошлого. Конечно, не слишком далекого, а такого, чтоб более или менее достоверные данные сохранились. Но ведь достоверность — это тоже весьма условно: искажения информации подчас больше говорят о времени, когда ее *подкорректировали*, чем самые точные статистические данные. Не всегда, конечно, а именно подчас. Это все надо проверять-перепроверять, но, если подойти с должной аккуратностью, можно удивительные результаты получить. Да еще Олег какие-то вещи моделировал технически. Он в этом просто кудесник был.

Вот один пример из десятков. Олег брал старые, разной степени заезженности, грампластинки и нынешние си-ди или ди-ви-ди. Что-то такое жуткое, никому, кроме него, непонятное, соединял, паял, просил математиков какие-то коэффициенты рассчитать, и глядь — на выходе, то есть на экране монитора, выписывалась кривая, которую Костя с Наташей обозвали кривой изменения уровня грубости в обществе. На самом деле, может, и не грубость, как таковая, рассчитывалась, а милитаризация, скажем, или отношение к бродячим животным, но характеристика той или иной эпохи четко вырисовывалась. Как это у Олега получалось? Положим, по царапинам на старой пластинке можно (опять же, как?!) определить, какой рукой и с каким чувством на нее иглу опускали, но на си-ди никаких следов не было. Ан, выходит, какие-то, да были.

А с другой стороны, чему удивляться? В лаборатории Адамса вывели уравнения, позволяющие по таким эфемерным вещам, как та же грубость или, наоборот, образованность, нечто материальное рассчитать — факт существования клюп-частиц. А в лаборатории Беркутова, наоборот, по материальным следам — нечто абстрактное вычислили. Если одно возможно, то и другое — тоже. А уже это рассчитав, можно обратно к клюп-частицам вернуться.

И вот тут самое интересное и выяснилось!

Сколько ни производили расчетов: и по разным периодам, и по разным регионам, и с разной степенью точности — всегда при обобщении результатов выходило, что клюп-плотность очень медленно, очень плавно, но однозначно возрастает. Или, чтоб быть совсем точным, возрастала в течение последних примерно двух-трех-четырех веков. О более ранних временах судить трудно: там уже начинает сказываться размытость, разрозненность и несогласованность информации.

Когда завлаб Беркутов принес свой отчет директору института с просьбой посмотреть и включить сообщение об этой работе в план своего семинара, тот отложил папку в сторону и сказал, приглашающе махнув рукой на стул:

— Ну, скажи на словах, что вы обнаружили.

Собственно говоря, догадаться, что в папке — нечто из ряда вон выходящее, можно было даже не умея читать мысли, такой восторг был написан на Женином лице.

Женя рассказал. Павел Дмитриевич выслушал и спросил:

— Ты уверен?

Женя кивнул.

Кубанцев потер подбородок. Он считал МАЛ своим детищем, гордился успехами Жени Беркутова, которого сам выдвинул, и поэтому заглядывал к ним чаще, чем это было необходимо непосредственно по работе. Верней сказать, по работе ему вовсе не надо было к ним заходить, а он заходил. Поэтому он ясно представлял себе, и что там творилось, и всю степень недоверия специалистов старшего поколения к этим методам. Догадывался он и о том, что многие из них будут рады под видом критики *лженаучных изысканий некоторых юных псевдогениев* уколоть его самого, как руководителя, потакающего этим лже- и псевдо-

– Мы так сделаем, – сказал он после некоторого размышления, похлопав ладонью по папке. – Во-первых, дадим это на рецензию Гарту. А во-вторых... Нет, погоди. Давай с первым разберемся.

Он снял телефонную трубку и нажал одну кнопку: номер академика Гарта был в памяти телефона.

– Юрий Гаврилович!.. Да, я... День добрый! У меня тут сидит твой тасзатъ, выкормыш. Да Женька Беркутов, кто ж еще! Он там со своими *мальшиами* открыл кой-чего. Наш ответ Чемберлену. В смысле, Адамсу... Ага... Ага... Вот и я об этом... Когда? Это будет зависеть... Да, спешить сильно не надо. Но и затягивать не стоит. За морем тоже клювом не щелкают. Вы там с ним посмотрите по срокам, а как сориентируетесь, скажешь, и я в план семинара вставлю... А что план! План дело живое. Если оно того стоит, что-то и подвинуть можно... Ну да, ну да.

Положил трубку и сказал:

– Видишь, мне даже не пришлось ему предлагать. Сам говорит: «Я могу рецензентом». Цени! Не всякому такая удача. Как говорится, «талантам надо помогать...» Знаешь, как дальше?

Женя знал, что «...бездарности пробьются сами», это была любимая присказка его отца. Но постеснялся сказать вслух, как будто тем самым заявлял: «Я – талант!» Он помотал головой, и Павел Дмитриевич закончил народную мудрость, после чего, без всякого перехода сказал:

– Так, а теперь – второе.

Жене потребовалась пара секунд, чтоб понять, что *второе*. Поняв, он восхитился организованностью этого ума: прошло минут десять после того, как Кубанцев структурировал темы (первое – Гарт, второе – после), и вот теперь он как ни в чем не бывало вернулся в ту самую точку разговора и продолжил с места остановки.

– Ты сейчас ЮрьГаврилчу эту папочку отнеси, чтоб изучал. А сам начинай доклад готовить. Тут ни малейшей ошибки быть не должно. Ни про каких «Чемберленов» – ни-ни. Потом, когда статью будем публиковать, мы, наоборот, усилим, мол, открытие мирового значения и все такое прочее. Но это – после положительного заключения семинара. А до этого – скромненько так: «используя уравнения Адамса...», «развивая теорию Адамса...» В общем, больше напирай на него. Адамс – твоя главная защита. И ни в коем случае не вдавайся в то, какие методы вы использовали. Уж на что я вам доверяю, и то от ваших самоделок меня оторопь берет, а уж этим зубрам только дай повод – растопчут и мокрого места не оставят. Короче, твоя позиция: Адамс вывел формулы – раз, они мировым научным сообществом признаны – два, ты просто их использовал без особых новаций – три. Ясно? Говори, что мнешься!

– Павел Дмитриевич, да ведь когда статья будет, это все выплывет.

– Жень, о чем ты сейчас думаешь! Проблемы надо решать постепенно. А когда статья выйдет, ты все на меня вали: мол, это я тебя заставил свою роль выпячивать ради вящей славы отечественной науки. Ясно?

– Ясно, – не очень уверенно выдохнул Женя.

– Тогда дуй к Гарту. Нехорошо академика ждать заставлять.

Обычно в семинаре Кубанцева не принимали участия представители институтской элиты. Нет, конечно, бывал кто-то, кто работал по теме, близкой к обсуждавшейся, или, скажем, если с докладом выступал сотрудник его лаборатории. Остальные просто узнавали, что обсуждалось, от своих подчиненных – участников семинара. Но в этот раз Кубанцев с Гартом хотели собрать именно самый избранный круг. Конечно, это было бы легко сделать, объяви один из них себя руководителем работы, но Женя, похоже, в самом деле был везунчиком, по крайней мере, в том, что его наставники не стремились примазаться к чужим достижениям.

Можно было, конечно, заранее раструбить, что предстоит услышать нечто из ряда вон выходящее, однако в этом случае, как справедливо заметил Кубанцев, *народ*, конечно, соберется, но настроен будет довольно агрессивно. Как минимум, скептически.

И все-таки не зря недоброжелатели, да пожалуй, что и друзья, называли Павла Кубанцева *хитрым лисом*. Вот что он придумал. Впрочем, он давно это замыслил, но все откладывал, а тут одно к одному вышло.

На очередном еженедельном совещании руководителей институтских подразделений директор сказал:

– А не заскучал ли у нас народ? И вообще, надо нам с вами что-то *замутить*. А то несправедливо получается. День астронома есть, пол-института его празднуют, а вторая половина – как сироты. Предлагаю назначить День микромирщика. Скажем, через четверг. И вообще, на будущее, пусть будет последний четверг октября. День астронома – весной, а этот – осенью. Логично, по-моему. Нет возражений?

(Возражений не было, тем более, что четверг был общим присутственным днем, когда даже маститые хоть на пару-тройку часов посещали свои рабочие места. По четвергам проходил и семинар Павла Дмитриевича.)

– Я думаю, никто не будет возражать и против того, чтобы просить взять на себя тяжкий груз по организации первого Дня микромирщика Анатолия Яковлевича и Ирину Петровну?

(Это предложение было встречено улыбками. Профессор Анатолий Яковлевич Норкин и завсектором биоэнергетики Ирина Петровна Бочарова некогда были непримиримыми соперниками, возглавляя команды КВН двух половин МиМаМи: биоэнергетика относилась к микромиру, а Норкин изучал малые планеты, естественно, относившиеся к макро-. С началом ныне уже подзабытой перестройки, когда она возглавила комсомольский патруль, а он – стенгазету, их мирное противостояние переросло в сотрудничество. И сейчас, через четверть века с лишним, остепенившись (в обоих смыслах этого слова), они неизменно оказывались в центре всех подобных мероприятий. Так что слова Кубанцева были даже отчасти излишними.)

– А чтобы все-таки это не превратилось в обычную гулянку – как-никак, научный праздник, да? – я, со своей стороны, постараюсь к семинару что-нибудь интересенькое приготовить.

Вот так, никого специально не зазывал, никакой рекламы не делал, а, вроде бы, и не прийти после этого на обсуждение некрасиво. Ну не хитрый ли лис, в самом деле?

На праздновании Дня микромирщика было много интересного и остроумного, но рассказ обо всех событиях этого дня увел бы нас слишком далеко от темы повествования. Так что ограничимся докладом Жени Беркутова и всем, что его сопровождало.

На «праздничный» семинар, действительно, пришли несколько очень авторитетных ученых, хотя, конечно, и не все корифеи института.

Как ни старались Женя и ведущий, представивший его аудитории, им не удалось уменьшить значение открытия, а тем паче полностью скрыть его. К счастью, никто из присутствующих так по-настоящему и не разобрался в формулах Адамса, и им пришлось верить докладчику на слово, что, в принципе, все, что было сделано, это – автоматическая подстановка

в уравнения тех или иных исходных коэффициентов. Другое дело – на основании каких данных они получены? Женино желание обойти этот вопрос, увы, было слишком очевидным для опытного глаза, и, чем больше он старался, тем настойчивей от него требовали конкретики. Но Павел Дмитриевич был настороже, и, едва почувствовав, что на горизонте начинает маячить тень обвинения в лженаучности, он сделал решительный ход:

– Друзья мои! Скажу вам честно, я сам видел эти их установки. Приборы, с позволения сказать, хе-хе. Это, я не знаю, декорации из сказки, кружок «Умелые ручки», что ли. Все какое-то несерьезное, эфемерное. Да ведь вот какая штука: именно, так сказать, эфемерность и заложена в основание теории Адамса! Которая, кстати говоря, наделала столько шума и, между прочим, пока никем не опровергнута. Так что тут – одно из двух: или мы покажем ее несостоятельность, или... (Кубанцев развел руками.) Так что что получается, если отбросить эмоции? Так сказать, в сухом остатке. Получается, что наши ребята просто говорят: «Глядите, *если эта теория верна, то тогда* то-то и то-то». Ничуть не больше того. Если все верно, мы – на острие научного прогресса. А если Адамс с помощью этого исследования будет опровергнут – опять же нашей науке слава. Так-нет? Ну вот. И давайте послушаем Юрия Гавриловича, который любезно согласился быть рецензентом этой работы и, в отличие от нас, более внимательно ознакомился с работой *мальшей*.

Выступил академик Гарт. Он тоже был шит не лыком и специально с излишней дотошностью останавливался на моментах, не очень понятных тем, кто был знаком с темой поверхностно, то есть, скажем прямо, всем присутствующим. С одной стороны, он как бы вводил их *в курс*, а с другой – сам же *курс и прокладывал*. В заключение Юрий Гаврилович заявил, что работа безусловно должна быть обсуждена широкой научной общественностью, иными словами, ее необходимо рекомендовать к публикации в академическом журнале.

На протяжении всего этого выступления руководитель семинара внимательно наблюдал за аудиторией. И убедился, что *закоренелых материалистов*, как они сами себя называли, вовсе не убедили ни его рассуждения, ни слова Гарта. И когда тот закончил, сказал, не дав открыть рта оппонентам:

– Прекрасно! Но есть один вопрос, который до сих пор никто не задал: а чем объяснить этот неумолимый рост числа клюп-частиц? Ведь вы, – он обратился к Жене, – насколько я понимаю, этим вопросом не занимались?

– Мы думали над этим, но... – Женя честно покачал головой.

– Ладно, вы свое дело сделали, и на том спасибо. А мы, со своей стороны, тоже можем пораскинуть мозгами. На то он и семинар, чтоб не только слушать, но и самим кой-какие соображения высказывать. Что вы по этому поводу думаете, Петр Андреевич?

Петр Андреевич Лепицкий громче всех высказывал сомнение в научности метода Адамса и его последователей. И, естественно, отказался отвечать на вопрос, косвенно подразумевающий, что клюп-частица существует. Тогда Кубанцев обратился к профессору Рошину, напротив, слушавшему выступление Беркутова весьма заинтересованно. Тот с готовностью высказал свое предположение:

– Первое, что приходит на ум, это что наша Земля вместе со всем, что на ней находится, потихоньку рассыпается. Старенькая планета, вот «песок и сыплется». В виде клюп-частиц, разумеется.

Это оказалось достаточной затравкой для спора. Каждый старался блеснуть научным остроумием и высказать гипотезу, а то и не одну, причем гипотезы, как правило, были взаимно исключающими.

Наиболее радикальными из выдвинутых предположений были два. Первое состояло в том, что клюп-частицы – это следы Большого взрыва, своего рода брызги первовещества, разлетевшиеся по миру, как, собственно, оно и бывает при взрыве. Второе, родившееся в ходе обсуждения, вообще отвергало Большой взрыв в обычном его понимании – как нечто вроде

взрыва бомбы, а предполагало, что он мог быть похож на взрыв бензоколонки от непогашенного окурка. То есть Вселенная не из точки с грохотом развернулось, а существовала как пространство, наполненное клюп-частицами, вроде бензиновых паров. Потом – бац! – тот же грохот – и частицы «сварились» в вещество, но определенная «недовзорвавшаяся» их часть так и осталась порхать в пространстве

Впрочем, ни та, ни другая версия не объясняла, почему клюп-плотность возрастает. Начавшееся было обсуждение этого вопроса пришлось прервать, поскольку продолжительность семинара и так перевалила за все мыслимые рамки.

Главное было достигнуто: активное участие в обсуждении, от которого не удержался даже Лепицкий, невольно заставило всех присутствующих, по крайней мере, допустить существование клюп-частиц, а следовательно, и возможность оценки их концентрации.

Руководитель семинара подвел итог. Он высоко оценил уровень дискуссии, сказал, что для этой работы чрезвычайно важным будет учесть как замечания и сомнения... (он перечислил сомневающийся), так и высказанные гипотезы... (он назвал практически те же имена), а потом как-то ловко перешел к тому, что, как бы ни оценивать результаты работы, сама она «безусловно, проведена с исключительной научной корректностью и тщательностью и, по-всякому, будет достойным научным, именно научным (подчеркнул он), ответом нашим американским коллегам».

Глава третья

Домой Женя пришел во втором часу ночи совершеннейшим победителем. И, что естественно в этой ситуации, подшофе. Общеинститутский праздник перетек в гуляние по кабинетам и лабораториям, все заходили в гости друг к другу, затем наносились ответные визиты, и, в конце концов, началось общее братание, затянувшееся едва ли не до полуночи.

Женя спросила, как все прошло, хотя и знала уже, что семинар закончился полным одобрением его работы: Женя сразу по окончании позвонил ей. Но одно дело – две фразы по телефону, а другое – так. Тем более что тогда он сказал: «Подробности при встрече». И вот, когда *встреча* произошла, он смог только поднять большой палец и рухнуть в постель.

После двух часов сна Женя проснулся. Просыпался он долго и мучительно, преодолевая изнуряющую жажду, пока, наконец, не осознал, что это страдание – не плод сновидения, а реальность перепившего человека. Мечтая о глотке холодной минералки и помня, что еще утром Женя жаловалась на отсутствие в доме воды или сока, он прошел на кухню, но, прежде чем подставить стакан под кран, в надежде на какое-то чудо, открыл холодильник.

И было чудо!

На полке лежала, глядя на него круглой пластиковой пробкой, бутылка. Той самой ледяной минералки, о которой он мечтал.

Опорожнив стакан пятью захлебками и вспомнив «придет оно большое как глоток, глоток воды во время зноя летнего» из любимого фильма детства, он почувствовал сложный комплекс чувств, на поверхности которого были физическое удовлетворение и нежность к заботливой жене, а в глубокой глубине – досада на то, что нелепая единица измерения *мгновений* – «глоток» – возникла в песне только лишь чтобы срифмоваться с «долгом».

Холодильник противно запикал, напоминая об открытой дверце. Женя промахивался пробкой мимо горлышка и злился, что современная техника не настолько современна, чтобы понимать *счас-счас-счас*.

Наконец, закрытая бутылка скользнула на полку, дверца захлопнулась и наступила такая глубокая и блаженная тишина, какой бы не было, закрой Женя холодильник вовремя. И тотчас *сложный комплекс чувств* возник заново.

Женя прошлепал в спальню. То есть днем это была гостиная или кабинет, а порой и столовая. Но ночью – спальня. Женя лежала, уткнувшись носом в подушку, такая вся из себя... Одеядло сползло с плеча... С одной стороны выпорскнулась пяточка, с другой – коленка... В общем, *сложный комплекс чувств* пополнился ощущением *уют*, а мысли о поэтических несовершенствах некоторых песен исчезли вовсе... Короче, все закончилось *любовью*. Тоже уютной и беззвучной, чтобы не разбудить Катю.

И зачем понадобилось вставлять в рассказ этот эпизод, который не то что со звездочками, но и без них ну ни малейшего отношения к его теме не имеет? – – *Ладно, вставили, и вставили. Что особенно? Давайте уже пойдём дальше.* – – Нет погодите, надо разобраться. Как сказал классик, «дойти до самой сути». В чем-то там, и – вот именно! – «в сердечной смуте». Ведь что-то же автором двигало, побуждало, так сказать. Уж не та же ли пошлость? Хотя... Если так, он бы в деталях всё описал, нет разве? – – *Пожалуй...* – – А вот пожалуй, что и нет! Ведь не сказал же он прямо и честно: «закончилось... – ладно, пусть не по-матерному, но например – ...совокуплением». Постеснялся: «...любовью!» И что, так – лучше? Красивше? Скромнее, может быть? Черта с два! А по Морковцеву, так даже гаже. – – *Почему гаже? Нормально: «любовь» – хорошее слово, чем оно вам не угодило?* – – А тем, что, выходит, это – любовь. То есть когда... совокупление, мягко выражаясь. А как в таком случае изволите называть, там, слова разные, ручка в ручке, глаза в глаза, сердце бьется, дыхание замирает, всякие

сюси-пуси, телячьи нежности, гулянье под луной, любование профилем и фасом, «развитым локоном играть и край одежды целовать», румянец от случайного касания коленками, слезы в подушку, глупые рифмы, и др., и пр.? А? Это что? Что это, я вас спрашиваю! – – *Ну, это... тоже любовь?* – – Ах, тоже! Спасибо вам за это «тоже». Низкий поклон! Так что не выкручивайтесь! Пошлость есть пошлость, гадость есть гадость. И не в том они, что муж с женой чем-то там занимаются, чем им и положено заниматься, а в том, что кое-кто слов боится и строит из себя бог весть какую невинность, а сам в щелочку-то и подглядывает. – – *Да в какую щелочку? Причем тут щелочка! Никуда никто не подглядывал.* – – А откуда автор узнал, чем они занимались, а? Молчите? То-то! А туда же: «в сердечной смуте, в сердечной смуте!» – – *Да это вы про смуту сказали. Причем тут я? Причем тут автор?* – – Да какая разница: вы, я, автор? Поехали дальше!

Они лежали, и сна, который обычно наваливается после... В общем, после *этого...* На сон не было даже намека.

Они лежали и лежали. А потом он сказал:

– Спасибо.

– За что? – спросила она.

– За воду.

И еще только начав говорить, понял, что это *не то*. Но было поздно, и она произнесла с оттенком разочарования:

– А-а-а...

А как исправить положение, он не знал. Он помолчал еще немного, чтобы получилось не продолжение неудачного разговора, а новый разговор, и спросил:

– Тебе было хорошо?

Он знал, что она ответит: «Очень». И она ответила:

– Очень. А тебе?

Это «А тебе?» он тоже знал, что она скажет.

Он ответил мычанием, которое в книжках передается с помощью «Ага» или «Угу», но на самом деле является двумя «М» разной глубины.

Так они поговорили некоторое время, и, убедившись, что сон не приходит не только к ней, но и к нему, она спросила:

– Много было вопросов?

Но ему почему-то не хотелось говорить о своей работе. Или нет: ему вообще не хотелось говорить, и не *почему-то*, а вполне естественно. Он сказал:

– Так... А что у тебя?

И тут она почему-то (опять это *почему-то*) вышла из себя. И бросила раздраженно-иронически:

– Что это ты вдруг обо мне вспомнил?

Не мог же он сказать: «Как это *вдруг!* Я спросил: *Хорошо тебе было?*» И ответил незамысловато:

– Как это вдруг? Я всегда интересуюсь.

Они немного попрепирались в духе *Когда ты последний раз спрашивал о моих делах?* – *Да вот... Ну... Я не помню, вчера или позавчера.* – *Вот именно «Не помню»* – и так далее. Наконец, она дала себя убедить, что он всегда интересовался, просто не спрашивал, считая, что она сама расскажет.

– Если тебе интересно... – ритуально начала она.

– Ну, Жень!.. – ритуально ответил он.

Женя начала рассказ о новом проекте своего издательства. Проект назывался... «Насалли».

– Как? – спросил Женя.

Она повторила.

– Хотя бы с одним «с»? – спросил он.

– В том-то и дело, что в оригинале – с двумя. И одним «л». Но нам удалось убедить правообладателей, что на русский рынок так выходить нельзя. Да там вообще все имена как на подбор. Причем, как будто кто-то нарочно еще и усиливал. Скажем, к имени Хулио мы – спасибо сериалам – привыкли. Так он у них еще и без последнего «о».

– Они – это кто? – спросил Женя.

– Купидондцы.

– А! Я думал, это американский или европейский проект.

– Нет. Купидонский. Ведь вот же, маленькая страна...

– Как-никак, член Британского содружества.

– Разве что. Короче, они придумали эту Нассали, и она заполонила все шопы мира. Там такая политкорректная история, как говорится, *дети разных народов*. Этот самый Хули и его сестра Пердела (в оригинале с одним «л») – латиноамериканцы. Дальше – арабчонок Насри, японцы Сики и Саки, эти – двоюродные, так сказать, кузен и кузина и, понятное дело, из Нагасаки. А как тебе – негритяночка из Экваториальной Африки Соска Хэ?

– Как? – не удержался Женя.

– Как слышал. Соска Хэ. Причем, «Х» – именно по-русски, не английское «аш» с придыханием, а – как они наше «х» записывают – «ка аш». (Математику в разговоре с математиком было удобней называть английские буквы именами их латинских предшественниц.)

– Да это нарочно! – сказал Женя.

– Я уверена! Потому что там есть и русский мальчик, так у него вполне человеческое имя – Виктор Облыгин.

– Может, это по-купидонски неприлично звучит? – предположил Женя.

– Может, – согласилась Женя. – Там еще собачка есть. Поцци.

– Это что-то из Бабеля? Или одесских анекдотов?

– Ну да. Я всегда знала, что что-то неприличное. А тут мне Ленка Арнштром перевела. Это по-еврейски именно *он* и есть.

Женя легким касанием тронула *поц* мужа. Тот ответно протянул руку и коснулся ее груди.

После всего произошедшего эти касания ни к каким серьезным последствиям привести не могли, разговаривать им сразу расхотелось.

И через несколько минут они заснули.

Теперь насчет проекта «Насалли».

На очередной Франкфуртской книжной ярмарке представители Жениного издательства познакомиться с купидонцами, а вскоре был подписан и контракт на четыре миллиона долларов.

Собственно говоря, там, на ярмарке гендиректор издательства Михаил Карпин не успел вникнуть в суть проекта. Но он увидел бесконечную галерею симпатичных куколок и предметов их обихода, от солнцезащитных очков до крохотной клизмы, и несметное количество ярких изданий, напечатанных всевозможными шрифтами включая то ли тайские, то ли корейские загогулилки (он не очень в них разбирался) и болгарскую кириллицу. Убедившись, что никакой другой кириллицы, ни белорусской, ни, скажем, казахской, на стенде нет, Карпин вернулся к своему стенду и отправил своего зама, Милу Чан, наводить мосты. Мила очень быстро выяснила, что весь бывший Советский Союз был белым пятном на карте Риджуотерз Пабблишнг Хауз, владельца бренда «Насалли». В то время, как весь остальной мир, за незначительными исключениями, буквально завален купидонской продукцией, верней, китайской – по купидонским эскизам. Однако, как заманчиво ни описывала Мила блестящие перспективы экспансии

на «практически бездонный рынок СНГ и Балтии», риджуотерцы были непреклонны: они были убеждены, что с русскими (в число которых они включали и всяких эстонцев и туркмен) нельзя иметь никаких дел.

Единственным, чего добилась Мила, было их кислое согласие на то, чтобы по возвращении из Франкфурта она прислала им официальное предложение. Впрочем, она не сомневалась, что для них это – что называется, мейлом больше, мейлом меньше... Тем сильнее все в издательстве удивились, когда на ее письмо пришел более чем любезный ответ.

Вскоре и контракт был заключен. И только после того, как миллионы, правда, еще не были перечислены, но все-таки Риджуотер получил весьма солидный аванс, к делу, помимо юристов и бухгалтеров, подключились редакторы и переводчики. Тут и выяснилось, что персонажей с такими именами просто невозможно выпустить на рынок не только СНГ, но и Балтии.

В то время, когда Женя готовился к столь важному для себя, да и для науки в целом, семинару, его жена вела изнурительную переписку с Купидонией, отвоевывая, в прямом смысле слова, букву за буквой. Так, в имени «Нассали» исчезла одна из «с» и удвоилась «л». Проще всего получилось с «Хэ» – она записала прямо по буквам: «Кхэ», – и вышло совсем по-африкански.

Но имена именами, а Женя выходила из себя и по другим поводам. Так, главной *фишкой*, на которой держалась вся эта эпопея, был волшебный банан, которым обладала Насалли и который мог творить добрые дела. Почему банан? Бред какой-то! Хотя в свете всего остального это и логично. Но банан – черт бы с ним, еще больше Женю бесили эти самые *добрые дела!* Не вообще колдовство, как оно свойственно традиционным волшебным палочкам, а исключительно – добро. И вообще, все в этих книжках было таким приторным, что...

Нет, лучше пусть рассказывает сама Женя. И, знаете, давайте обойдемся без описаний того, как Женя и Женя подошли к этому разговору. Ведь любому ясно, что суть рассказа совершенно не в том, в парке беседуют они или в постели, или за столом, или еще где-то. Отбросим эти литературные штучки-дрючки, включая недоэротические зарисовки, и перейдем к сути.

– И что? – спросил Женя. – Ведь *добро*, не *зло*.

– Да что тут непонятного? Это – фальшивое добро. Просто поддавки. Если бы, скажем, там было еще и настоящее зло, и они бы боролись с ним...

– С чем-то же они должны бороться. Если нет зла...

– Эх, Женька, устарело мыслишь! Еще в книжках для мальчиков какое-то зло есть. Да и не какое-то, а о-го-го еще какое! А у девочек...

Она махнула рукой.

– Что ж это мальчикам так повезло?

– Так они же должны стрелять из... ну, скажем, супергравитотронных нейробластеров. Или просто кулаком... Но уж тогда кулак будет из сплава титана с каким-нибудь... космической мегапрочной хренью. Какой-нибудь (по редакторской привычке поправила она себя). А такому вооружению, сам понимаешь, должно и нечто серьезное противостоять. Инопланетное.

– Ну и нормально. Мы в индейцев играли, наши родители – в «немцев», до них – в чапаевцев.

– Понимаешь, какая штука? В индейцев и чапаевцев дети играли, так сказать, бескорыстно. А сегодня это все – воспитание будущего потребителя. Только девочек надо приучить покупать всякую парфюмерию-бижутерию, а мальчиков – технику: часы, автомобили, фотоаппараты... И оружие, конечно. Да и не только покупать: выросшие девочки должны не вылезать из косметических салонов, а мальчики – из тренажерных залов. Девочки должны стремиться на пляжи и в рестораны, а мальчики – на сафари или ралли. Хотя что есть, то есть: у них это сопровождается мужскими разговорами о подвигах, самоотверженности, отваге и прочем. Да, вот еще что интересно: в мальчуковых книгах обязательно есть девочки. Но это – полная про-

тивоположность девочкам из девчачьих историй – эти сами готовы вступить в борьбу с любым инопланетным монстром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.